

Игорь Бурдонов

Ритуальные
числа

89 Бурдонов

Art House
media

СОДЕРЖАНИЕ

стр.	название
<u>5</u>	ВСЕ ДЕСЯТЬ ДУШ МОИХ
<u>7</u>	КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ
	Предисловие Владимира Микушевича
<u>11</u>	Я БЫЛ В ПУТИ
<u>37</u>	ПЕСНЬ КАМЫШОВОЙ СВИСТУЛЬКИ
<u>63</u>	ТАНЕЦ ХРИЗАНТЕМЫ
<u>88</u>	ЛЮБОВЬ К ДРЕВНЕКИТАЙСКОМУ
<u>119</u>	МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ФАКТ
<u>143</u>	МОЙ АРХИТЕКТОР
<u>167</u>	ХАЙКУ-ЛИПОВКА
<u>179</u>	ТОТЕМЫ
<u>231</u>	КОЛЬЦЕВАЯ ЛИНИЯ
<u>249</u>	СОЗЕРЦАНИЕ КАРТИНОК
	В КИТАЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ
<u>271</u>	ВОСЕМЬ ПОСМЕРТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ
<u>285</u>	20.922.789.888.000 стихотворений

Игорь Бурдонов

Ритуальные числа

Москва
2008

Бурдонов И.

Б91 Ритуальные числа. — М.: Арт Хаус медиа, 2009. — 288 с.

ISBN 978-5-902976-26-4

У Игоря Бурдонова нет плохих стихов и нет плохой прозы. В этом отношении между его стихами и прозой нет разницы. Странное совершенство книги в том и заключается, что в ней нет разницы между всем и ничем. В этом прослеживаются ее китайские корни, ибо Дао именно таково: оно всё, что есть и то, чего нет. Автору, действительно, близко такое мироощущение. Поэтому многие его стихи и притчи читаются как переводы с китайского. Впрочем, тот, кто прочитает, а, главное, переживёт эту книгу, классическая китайская поэзия окажется переводом.

При этом Игорь Бурдонов — певец русской деревни Липовки, лирическая хроника деревни Липовка вполне вписывается в древнейшую книгу Лао-цзы «Даодэцзин».

Многие стихотворения и притчи Игоря Бурдонова читаются как идиллия, но идиллия эта жутковатая. Она основывается на том, что в мире не осталось ничего, кроме трагического, а, следовательно, трагического тоже не осталось. Таково жизненное пространство Игоря Бурдонова: ничья земля между Борхесом и Кафкой, но ни у того, ни у другого нет никакой земли, кроме ничьей земли, и Вселенная — только роковая ничья в шахматной партии, которую разыгрывает никто с другим «никто». Страшнее всего, когда даже трагического нет, так как исчезла разница между человеком и Богом. В таком выводе, действительно, исчезает разница между совершенством и полным провалом, но единственным опровержением этого вывода остаётся сама совершенная книга Игоря Бурдонова, как бы первая и последняя книга в мире.

Владимир Микушевич

ISBN 978-5-90297-26-4

© И. Бурдонов, текст, 2009

© И. Бурдонов, иллюстрации, обложка, 2009

© В. Микушевич, предисловие, 2009

© Арт Хаус медиа, оформление, 2009

Я хочу поблагодарить
мою жену, **Кадрию Галееву**, за то, что она есть,
Петра Корона за то, что он был,
Владимира Микушевича за то,
что он видит в моих стихах больше, чем вижу я сам,
Александра Белугина за поддержку
и неоценимую помощь в оформлении этой книги,
Александра Шишкина за возможность издать эту книгу,
а также всех людей, с которыми сводила меня судьба,
независимо от того, сходились наши пути,
отталкивались или пересекались.
Без них не было бы не только этой книги,
но и меня самого, какой я сейчас есть.
Игорь Бурдонов

ВСЕ ДЕСЯТЬ ДУШ МОИХ

*Китайцы считают, что у человека не одна душа, а десять:
семь земных душ по и три небесных души хунь.
Когда человек умирает, земные души-по уходят в землю,
а небесные души-хунь поднимаются на небо.*

Поднимались по склону горы.
Лился цветов аромат.
Пахло сухостью у корней жёлтых трав.
С плоских камней осыпался белый лишайник.
Земля под пальцами шуршала.

Все десять душ моих поднимались по склону горы.

Первая душа тепло камней нагретых солнцем и трещинок чертёж
читала пальцами и улыбалась.

Вторая душа не дыша следила бабочки полёт
и сама была как бабочка.

Третья душа у корней горной сосны забылась подобно старой
хвое,
что усыпала землю меж корней горной сосны.

Четвёртая душа была не здесь:
её душа – как странно, что у душ душа бывает –
плыла в лазури неба вместе с облаками,
что плыли с нами наравне.

Пятая душа бездумно собирала землянику.

Шестая душа по тропе поднималась и сочиняла стихи.

Седьмая душа на скале над обрывом ловила ветер,
что падал, падал, падал.

Восьмая душа в горном лесу, где плетёт паутину паук, погибала.

Девятая душа сидела на камне и плакала.

Десятая душа, заблудившись в цветах, смеялась.

Все десять душ моих поднимались по склону горы.

А у склона горы не было конца.

И у горы не было вершины.

А только камни, сосны, цветы и небо,
и солнце, и облака.

Изредка встречали мы хижину горную.

Там жил пастух или не жил никто.

Или не жил никто.

Или не жил никто.

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

У Игоря Бурдонова нет плохих стихов и нет плохой прозы. В этом отношении между его стихами и прозой нет разницы, как, впрочем, и в других отношениях: поэзия Игоря Бурдонова убедительно оспаривает наличие разниц в мире, и само её совершенство – не достоинство, а неотъемлемое свойство, что предъявляет к читателю особые требования: читателю начинает хотеться какого-нибудь просчета, промаха, чего-нибудь человеческого, слишком человеческого; но совершенство не допускает никакого "слишком", а человек в мире Игоря Бурдонова – как любой другой предмет, всё или ничего.

Странное совершенство книги в том и заключается, что в ней нет разницы между всем и ничем. Хочется сказать, что в этом китайские корни книги, ибо Дао именно таково: оно всё, что есть, но именно поэтому оно также и то, чего нет. Автору, действительно, близко такое мироощущение. Поэтому многие его стихи и притчи читаются как переводы с китайского, впрочем, с неменьшим основанием можно сказать: для того, кто прочитает, а, главное, переживёт эту книгу, классическая китайская поэзия окажется переводом этих своих позднейших отголосков, подтверждающих её подлинность. При этом Игорь Бурдонов – не какой-нибудь безродный космополит. В сущности, он певец своей родной деревни, русской деревни Липовки, но, оказывается, лирическая хроника деревни Липовка вполне вписывается в древнейшую книгу Лао-цзы "Даодэцзин", или, вернее, книга Даодэцзин совершенно вписывается в хронику деревни Липовки, с чем сам Лао-цзы, наверное, охотно согласился бы.

Многие стихотворения и притчи Игоря Бурдонова читаются как идиллия, но идиллия эта жутковатая:

Все десять душ моих поднимались по склону горы.
А у склона горы не было конца.
И у горы не было вершины.
А только камни, сосны, цветы и небо,
и солнце, и облака.
Изредка встречали мы хижину горную.
Там жил пастух или не жил никто.
Или не жил никто.
Или не жил никто.

Русский язык вынуждает автора сказать: "Не жил никто". Другой язык позволил бы сказать: "там жил никто", и это было бы точнее.

Идиллия Бурдонова основывается на том, что в мире не осталось ничего, кроме трагического, а, следовательно, трагического тоже не осталось. Эту ситуацию Игорь Бурдонов фиксирует с бесстрастной, бесстрашной точностью:

Да что, в самом деле:
Родина! Народ! Любовь! Дух! Бог!
А всего-то – пара литров мозгов,
в которых утомлённо плавает
десяток стоящих воспоминаний,
и тикает, тикает, тикает адская машинка...

Таково жизненное пространство Игоря Бурдонова: ничья земля между Борхесом и Кафкой, но ни у того, ни у другого нет никакой земли, кроме ничьей земли, и Вселенная – только роковая ничья в шахматной партии, которую разыгрывает никто с другим "никто". Страшнее всего, когда даже трагического нет, так как исчезла разница между человеком и Богом:

И в третий раз пришёл Бог к человеку.
Но человек запер двери дома своего,
и не пустил Бога.

И раскаялся Бог в гордыне своей.
И не стало Бога.
И пришёл час
и умер человек.
И пришёл человек к Богу.
И вот видит: нет Его.
И не стало человека.

Никто ещё до сих пор не раскрыл с такой силой жуткую подоплёку бессмысленных слов: Бога нет. Эти два слова тождественны двум другим словам: конец вечности. Но если у вечности есть конец, значит у неё не было начала: ничего не было. В таком выводе, действительно, исчезает разница между совершенством и полным провалом, но единственным опровержением этого вывода остаётся сама совершенная книга Игоря Бурдонова, как бы первая и последняя книга в мире.

В. Микушевич,
*действительный член Независимой академии
эстетики и свободных искусств*

9.03.1996.

Я был в пути

13 Я был в пути, но я не знал
14 В краю голубых исчезающих в дымке холмов
15 Над лугами цветов ветер кружит
16 Трансцендентное золото осени
17 Луга, луга, и дальний лес
18 Сухого тростника шелестят бумажные деньги
19 СТРАНСТВИЯ КОНФУЦИЯ
20 Выпал снег и земля
21 ЭТО НЕБО
22 Не у всякого шифра есть шифровальщик
23 Если мир – одно, то природа Будды
24 Крыта хижина моя
25 Дерево живёт долго
26 И ЦЗИН – КНИГА ПЕРЕМЕН
Гексаграмма 1. Цянь – Творчество
27 Гексаграмма 2. Кунь – Исполнение
28 Гексаграмма 3. Чжунь – Начальная трудность
29 Над крышей дома есть ещё этаж
30 Я памятью оброс – как горный монах
31 *"Когда в Цзянчжоу по ночам я слышал тихий чжэн..."* Бо Цзюй-и
Не в осеннем увяданьи
32 Перебирая каменные чётки
33 На корнях дубовой рощи
34 Ветви мокрые берёзы
35 Но тогда и смерть человека
36 ИМЕНА

* * *

Я был в пути, но я не знал,
во сне иль наяву.
Там серп луны прилежно жал
молочную траву.

В полях лежали облака.
Со стоном рос тростник.
Взлетала шумная река
на чёрный горный пик.

На той горе горел огонь
священного костра.
И мчался рысью красный конь
с полночи до утра.

Дымился светлый небосвод.
Спускались люди с гор.
И был подобен плеску вод
их странный разговор.

* * *

В краю голубых исчезающих в дымке холмов
вдали от игривой морской белопенной волны
на дне опалённой безлюдной долины
дух древней земли разговаривал с духом поэта,
воспевшего землю, в которую был погребён.

А я, поднимаясь к вершине холма,
вдруг остановился у края скалы,
на камень присел и в руках у меня
травы пересохшие длинные стебли.

И ветер, летящий над гребнями гор,
обрывок беседы донёс:

*"Я иду дорогой скорбной
в мой безрадостный Коктебель".*

* * *

Над лугами цветов ветер кружит.

Ты спросишь, что видел я в этой жизни?
– *алый туман гвоздик.*

Ты спросишь, что слышал я в этой жизни?
– *колокольчиков звон голубой.*

Ты спросишь, что знаю я в этой жизни?
– *белой ромашки судьбу.*

Ты спросишь, что я забыл в этой жизни?
– *зелёной травы забвенье.*

Ты спросишь, что будет после?
– *буду ветром кружить над лугами.*

* * *

Трансцендентное золото осени.
Киноварное поле зари.
Неба синего твердь философская.
И бессмертные капли росы.

О, скажи мне, Творец Превращений,
не устала ль плавильная печь?
Не устало ли ртутное время
по кольцу бесконечному течь?

И ответили синие воды,
и ответили камни земли:
"Для тебя – бесконечные годы.
А для нас – лишь пылинка в пыли."

* * *

Луга, луга, и дальний лес
со стороны восходящего солнца
в утренней дымке.

Мокрой травы под ногами шелест.
Одиноких деревьев встречаю длинные тени.
Хочется остановиться, но не близок конец пути.
В дальнем селеньи крик петухов и лай собак.

У старицы тихой старик-рыбак
просит меня не спешить.

Остановился: не знаю, как быть.
Дело какое ко мне у него?
Или просто добрый совет:
с грязью мирской мне плыть?

* * *

Сухого тростника шелестят бумажные деньги.
Сквозь пепел травы пробился жёлтый цветок.
В клювах открывшихся почек – белая жизнь.
Красноголовым дятлом сердце в груди стучит.

Ветер взметает пыль, тронул на тонких ветвях
ряды зелёных серёжек.
Они мне напомнили строки
древних стихотворений.

"В пути и в пути, и снова в пути и в пути"
в небе летят облака.
С каждой весной всё ближе
перемены последней час.

Где окажусь я, когда времён уляжется пыль,
и древними станут строки мои,
где я буду тогда?

СТРАНСТВИЯ КОНФУЦИЯ

Я жду, когда зацветут цветы деревьев,
и на землю опустится круг зеркального неба.
Я встану лицом на юг,
буду слушать летящий звук возвращения крыльев.
Я жду, когда потекут ручьи воды,
и восточные ветры зажгут бронзовые огни.
Все дороги-пути зарастут зелёной травой.
Вижу я, как траву эту мнут круги колёс.

У коней копыта тонкие.

А задние ноги белые.

Повозка доверху полная деревянных книг.
Погонщика резкий крик.
Слепящий бронзовый блик.
Обманчивый миг распался на свет и тень,
на дымку и крик кукушки,
на красные маки и звон цикад.
Я жду, когда застучат листы деревянных книг
грядущему наперекор.
И воздух опустится с гор на гладь озёр.
Я жду, когда упадут плоды деревьев,
и кверху поднимется круг зеркального неба.
Я встану лицом на юг,
буду слушать летящий звук покидающих крыльев.
Я жду, когда потекут дожди воды,
и с запада ветры зажгут бронзовые огни.
Над гладью озёр туман.
Тяжёлой росы холодны одежды.
Трава надежды – глухой бурьян.
Я жду, когда засвистят снеговые ветра,
и в недвижимый лунный сад войдёт земля.
Я жду, когда закипит вода для чая.
Я всё забыл – я листаю
Листы деревянных книг.

* * *

Выпал снег и земля
стала белым небом.

К деревеньке, затерянной
далеко в облаках,

по дороге среди холмов
небожитель бредёт.

ЭТО НЕБО

"Это Небо." – сказал Летящий в облаках.
 "Да?" – удивился я.
 "Это Море." – сказал Плывущий в волнах.
 "Такого не может быть!" – рассмеялся я.
 "Это Поле с зелёной травой." –
 сказал по земле Идущий.
 "Какие глупые сказки!" – крикнул сердито я.

"Это Лес, а в Лесу деревья.
На деревьях сидят три птицы.
Птица Счастья – красного цвета.
Птица Смерти – белого цвета.
Птица Жизни – что твой воробей."

"Не бывает в лесу деревьев.
Не бывает птицы Счастья.
Не бывает птицы Смерти.
Но откуда, Лесной человек,
ты узнал, что в моих ладонях –
живой воробей?"

"Да?" – удивился человек без уха.
 "В самом деле?" – воскликнул человек без носа.
 "Что я вижу!" – кричал человек без глаз.
 "Какой удивительный сон." –
 пропел человек без лица.

"Это Небо!" – я закричал.
 "Это Море!" – я закричал.
 "Это Поле с зелёной травой!" – я закричал.

"Какой удивительный сон." –
пропел человек без лица.

* * *

Не у всякого шифра есть шифровальщик.
Не всякий источник имеет дно.
Не всякий полёт начинается с земли.
Не всякий звук исходит из уст.

Тот, кто приходит, не может уйти.
Тот, кто уходит, не может вернуться.
Того, кто в дальнем пути, чувствует локоть твой.
Того, кто рядом с тобой, не различает глаз.

Не вся наша мысль – свет.
Есть в ней и зеркало.
Есть в ней и зеркало зеркала.

Не вся наша жизнь – бодрствование.
Есть в ней и сон.
Есть в ней и сон сна.

сон
сна
сон сна

* * *

Если мир – одно, то природа Будды –
в кале и моче.

Жизнь проходит в плечике кузнечика.
И философия – автобиография души.

Не говори: "Сбросить оковы и стать свободным!"
Нет никаких оков.
И нет никакой свободы.
Есть только домик под соснами на песке.
И путь в пустоте.

Соприкоснувшись головами,
увидишь домик в саду над рекой.
Чужой мир или всё тот же?

Любовь – это пересечение параллельных миров.
Воннегутовские *синуусики* спутали наши волосы.
А дружба сплетает руки.

Параллельные мира зеркальны.
Но в бесконечный коридор уходят поодиночке.

* * *

Крыта хижина моя
листьями кленовыми.

Затоплю печурку я
листьями ольховыми.

Будет дыма очень много
из трубы лететь на небо.

В небе будет облаком
мой ольховый дым.

Кто-то скажет: – Надо бы
хижину кленовую
проведать-навестить...

* * *

Дерево живёт долго.

Оно встречает человека.
Оно склоняет над ним свои ветви.

Дерево живёт долго.

В небе пролетает время.
Время – это то, что нас примиряет.
Оно приносит запах ушедших миров.

Дерево живёт долго.

Но даже камень твёрже гранита
не может выйти из потока.

Дерево живёт долго.

Так легко срубить дерево,
и, уходя из этого мира,
сказать "Прощай!",
высохшему пню.

Дерево живет долго.

Человек живёт долго.

И ЦЗИН – КНИГА ПЕРЕМЕН

Гексаграмма 1. Цянь – Творчество

Есть творчества извечного закон.
Он с древних заповедан нам времён.

Могуч и грозен водяной дракон,
В летящих струях неподвижен он.

К великой яви шёл великий сон –
На поле появляется дракон.

Великий путь проложен и пройден,
Но к вечеру настороже дракон.

Во мгле ночной планетный
перезвон –
Над бездной поднимается дракон.

С рассветом весел он и окрылён –
В великом небе движется дракон.

Но выше для чего взлетает он?
Он слишком горд – он будет
осуждён.

В великий сон низвергнется дракон.
Вот творчества извечного закон.

И ЦЗИН – КНИГА ПЕРЕМЕН Гексаграмма 2. Кунь – Исполнение

Благоприятна стойкость кобылицы.
На северо-востоке встретишь друга.

И если иней под ногами серебрится,
Жди крепкий лёд и завыванье вьюги.

Углов же нет у плоского квадрата!
И ни к чему твои приготовления.

Умерь свой блеск и качеств проявление,
Безропотно иди за старшим братом.

Потуже завяжи мешок желаний,
Не жди хвалы – тогда хулы не будет.

И счастье изначальное пребудет –
Как жёлтой юбки колыханье.

Сумей не перейти через границы.
Там синий с жёлтым борются драконы.

И кровь – как дождь, и гром – как стоны.
Пребудет вечной стойкость кобылицы.

И ЦЗИН – КНИГА ПЕРЕМЕН
Гексаграмма 3. Чжунь – Начальная трудность

Опасен труд начального пути.
Весь горизонт затянут облаками.

Всё медлишь ты – друзья должны придти.
Всё ходит конь оседланный кругами.

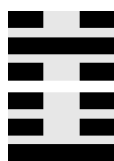
Уже в пути – но снова кони – вспять!
Сумевший выждать, цели достигает.

Муж благородный должен замечать
ростки грядущего, свой дом не покидая.

Но если верно выбран день и час,
то не придётся повернуть обратно.

Великого достигнешь не сейчас –
лишь малые дела благоприятны.

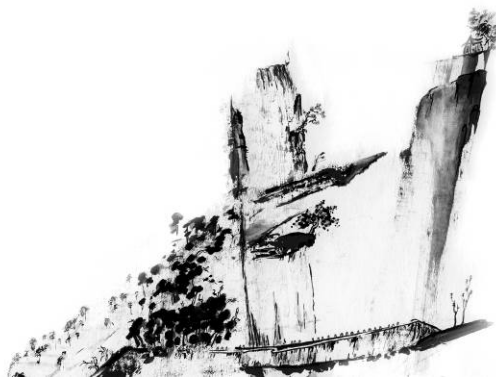
А дальше путь – опасней и суровей.
И кони – вспять, и плач – до крови.

* * *

Над крышей дома есть ещё этаж.
Над вершиной дерева есть ещё одна ветвь.
Над горной вершиной есть ещё один камень.
После конца пути есть ещё один шаг.

За последней страницей книги
есть ещё одна страница.
За последней строкою есть ещё одна строка.
За последним звуком есть ещё один звук.
За последним часом есть ещё один час.
За последним вздохом есть, наверное,
иное дыхание...

* * *

Я памятью оброс – как горный монах –
и дымом прошлого пропах.

А в сущности: на камне у ручья
сизу и слушаю журчание ручья.

Нет никакого зеркала – пустая рама как окно.
Войди как в дверь, иль выйди – всё одно.

*" Когда в Цзянчжоу по ночам
я слышал тихий чжэн... "*
Бо Цзюй-и

Не в осеннем увяданьи,
а в рождении весны,
в раскрывающихся почках,
в прорастающей траве,
в новых птичьих голосах
бьётся сердце смерти.

Ибо суть небытия –
в возвращении.

*Играй на чжэне до зари –
я разрешу тебе.*

* * *

Перебирая каменные чётки,
Ручей в горах творил свою молитву.
И в бликах солнца, острых точно бритва,
Звучали согласованно и чётко

И северный холодный звук органа,
И западные струны клавесина,
И южный рокот барабана,
Восточный голос муэдзина.

* * *

На корнях дубовой рощи
встретил Осень.

Она прохладными губами
меня поцеловала.

И платьем бледным прошуршала,
и, убегая, прошептала:

– *Ну вот, и ты теперь старик.*

– *Ну вот, и ты теперь старик.*

И были у неё глаза –
темна осенняя вода.

Темна осенняя вода.

* * *

Ветви мокрые берёзы
мне сказали: "Мы всё те же.
Отчего же ты не можешь
от дождя укрыться с нами,
и прижаться лбом горячим
к нашей белой гладкой коже,
и дрожать как от озноба
от восторга юной жизни."

Я ответил: "Это годы,
только годы виноваты.
Вы внимательно взгляните:
я всё тот же, я всё тот же."

Ветви мокрые берёзы
не ответили, но ветер,
прилетевший издалёка,
монотонно зашумел.

* * *

Но тогда и смерть человека
столь обычна – что вроде её и нет!...

Есть буйных трав осенних немота.
Есть белый голос – талая вода.
Есть чёрный волос срезанной косы.
Есть призрачность холодная росы.

ИМЕНА

Горы даль ближние скалы поток чистоты
свежесть капле́ль радуга в траве
Деревья сень стены порог глубина комнаты
букет ваза кисть тушь запах шорох
голос птицы

Туман антенн тень ночь чернь нерв ров ворог
 горы рык
 Манна на нимбы падения угол вмятина трещина
 свечение мерцающее царь венец воины тетива вой
 кровь

Целое светлое ниспадение ветви лепестков горсть
 гость вино хозяин струны отдых полог тайна
 шёпот шерсть шёлк щиколотки браслеты серебро
 бровь луна уход песня тучи иней земля трава
 изголовье путь странствие бухта прибой пена
 камни скалы олень
 и хаги Сүминоэ

Сосны нектар хмель солнца горечь хвои
рубинно-изумрудный аромат
падение шишки корень твердь сон память смерть

Воронье карканье гнездо крыло полёт клюв
воронёный рок судьба броня брен-ность ось
бытия и я исчезающе мал

Песнь камышовой свистульки

- 39 Песнь камышовой свистульки
40 *по мотивам "Ши цзин" – «Книги Песен»*
Утренний свет над водой пролетал
41 На китайских картинах не горы
42 Ветви ивы чернее туши
43 Девять уток плывут по мутной воде после дождя
44 Вот под зеленью лип
45 О осень! – дважды жёлтая земля
46 Ночь зажигает звёзд ритуальные числа
47 *Подражание Тао Юань-мину*
От знойного солнца укрыться в городе негде
48 ИЗ МОНОЛОГА ВОЕНАЧАЛЬНИКА ПЕРЕД
НАПАДЕНИЕМ НА ЦАРСТВО, ОБРЕЧЁННОЕ НА
ГИБЕЛЬ
49 В смутном чувстве рождаешься ты
50 На земляничной поляне
51 Да что, в самом деле
52 ПРОЩАНИЕ В КАФЕ
53 *Из цикла "Немного английского"*
В твоей норе всегда тепло
54 *Из цикла "Немного английского"*
Из цикла "Про собаку"
Я вышел из дома ещё до рассвета
55 *Из "длинных песен"*
ПЕСНЯ МНОГОЭТАЖНОГО ДОМА
57 *Из "длинных песен"*
Мальчик не верит в смерть
59 И пришёл Бог к человеку
60 *"Это грандиозно! Что ещё сделает с тобой творец
превращений?"*
Куда тебя направит?" Чжуан-цзы
Приходящего не расспрашивай
61 УЧЕНИК КОНФУЦИЯ
62 УЧЕНИК ЛАО-ЦЗЫ

布一過
道

by

Песнь камышовой свистульки:

ветер над озером,
облако с неба,
девушка в лодке расчёсывает волосы.

А по дальнему берегу движутся
воины на конях.

по мотивам "Ши цзин" – «Книги Песен»

Утренний свет над водой пролетал,
белый туман к берегам отогнал.
Белый туман, ты побудь в камышах.
Юная девушка так хороша!

В речке вода и мягка, и тепла.
Юная девушка в речку вошла.
Белый клубится туман перед ней,
девушку скроет от взоров людей.

Гладкая кожа бела и нежна,
взоров нескромных бояться должна.
С гибкой тростинкою схож её стан.
Гуще становится белый туман.

* * *

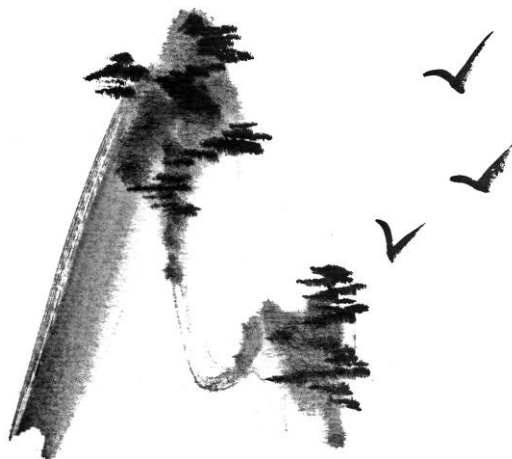
На китайских картинах не горы,
а души гор,

не дерево с корнем кривым и серебристою кроной,
а дерева душа – печальна и стара,

не журчащий ручей с ключевой водой,
а играющая душа молодой воды.

Там душа человека с душою книги в руках
слушает душу музыки южного ветра.

Души китайских картин
хранят в особых футлярах,
сделанных мастерами
давно ушедших времён.

* * *

Ветви ивы чернее туши,
которой рисую ветви ивы.

Листья ивы острее кисти,
которой рисую листья ивы.

Душа этого дерева
печальней моей души,
которая дышит печалью ивы.

В осеннем воздушном времени
вижу как движутся
десять тысяч ушедших
осенних воздушных времён.

Будто волны в потоке тумана.

* * *

Девять уток плывут по мутной воде после дождя.
Девять елей на берегу, и земля под ними суха.
Девять туч через небо прошли, и уходит туман.

На дороге размыло следы.
У дороги зелёный бурьян.

За холмом поднимается к небу дым.
У крыльца – молодая мама.

.....

Что мне тысячи тысяч лет!
Что мне всех мудрецов слова!

* * *

Вот под зеленью лип
зашуршали жёлтые юбки.
И в движении вод
перемены почуяли утки.
По ночам кто-то в глиняной ступке
эту воду толчёт,
чтобы утром по травам холодным
разбросать широко и свободно.

* * *

О осень! – дважды жёлтая земля.
О осень! – трижды белое небо.

Листвы смертельный танец.
Луны предельный свет.

Не милостив осенний ветер.
Не милостив осенний дождь.

В вечерних годах догорает свеча.

Кто споёт для меня
негромкую песню ухода?

На рассвете последнего дня.
На закате последнего года.

О осень! – взмахни рукавом и сотри...

* * *

Ночь зажигает звёзд ритуальные числа.
Вещи лишаются красок, объёма и смысла.
Всё исчезает бесследно в дыхании чистом.

Тени вещей заполняют земные пределы.
Ждёт неудача сегодня зачатое дело.
Новой Луны поднимается тёмное тело.

Подражание Тао Юань-мину

От знойного солнца
 укрыться в городе негде.
Горячие камни
 последний отняли воздух.
Хочу я подняться
 в далёкие снежные горы,
умыться холодной
 и чистой водой водопада.
Но разве могу я
 уйти с государственной службы?
Семья небольшая,
 но чем-то кормиться надо.
Отшельником стать,
 разорвав все живые узы,
я вовсе не в силах —
 жену и сынишку жалко.
Вот и остаётся
 завидовать смелым людям,
не знающим этих
 печальных забот и дум.
Но странно порою
 читать о веках минувших:
неужто в то время
 свободнее были люди?

ИЗ МОНОЛОГА ВОЕНАЧАЛЬНИКА ПЕРЕД НАПАДЕНИЕМ НА ЦАРСТВО, ОБРЕЧЁННОЕ НА ГИБЕЛЬ

"Неправо Небо, – думал он, –
когда несчастья шлёт на землю,
и речи правильной не внемля,
переступает свой закон.

И царству – гибель и позор.
И предков рушится алтарь.
И знать не хочет гордый царь.
И мудрый покидает двор.

В полях забытых пыль клубится.
Уходит истина из слов.
И зверь уходит из лесов.
И древних гор гранит крушится."

"Неправо Небо, – думал он, –
но воле Неба нет преграды."
И войск своих собрав громады,
он переходит рубикон...

* * *

В смутном чувстве рождаешься ты.

Звучащее слово, страшась наготы,
бежит в бормотанье и шёпот.

Художнику чудится варваров топот,
и кистью большою он прячет картину
в безумии пятен, сплетении линий.

Так хочется к людям иного наречья!
Но новой разлукой становится встреча.

Поскольку за тайной – не новая тайна,
а скушное знание, знание-майна.

И снова ты хочешь забыть и уйти,
и хочешь найти совершенство пути.

Забыты слова и заброшены кисти,
и гаснут огни относительных истин.

Но в сумерках жить невозможно душе,
и горек ей вкус абсолюта,
и манят её десять тысяч вещей
и радостный голос минуты.

Вот только сказать ты не можешь об этом,
и длинную речь мы с тобой затеваем...

Собаку мою – безудержную в лае –
считаю я самым великим поэтом!

* * *

На земляничной поляне
под золотым дождём
Кузьма Александрович пьяный
спал беспробудным сном.

Его не искала милиция.
Коллектив его не осуждал.
Пионеры со скорбными лицами
ему не читали мораль.

Медленно божья букашка
ползла по небритой щеке.
И осыпалась ромашка
в тяжёлой его руке.

Кузьма Александрович пьяный
об этом не знал ни о чём,
на земляничной поляне
под золотым дождём.

* * *

Да что, в самом деле:

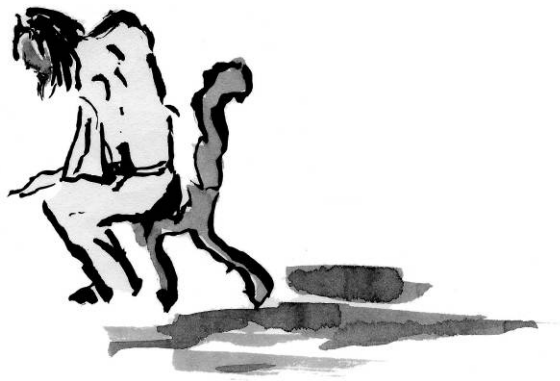
Родина! Народ! Любовь! Дух! Бог!

А всего-то – пара литров мозгов,

в которых утомлённо плавает

десяток стоящих воспоминаний,

и тикает, тикает, тикает адская машинка...

ПРОЩАНИЕ В КАФЕ

Я ем апельсин
И пью красное вино
Ты сидишь напротив
Мы молчим потому что играет музыка
Твои волосы отросли до плеч и завиты в кольца
Твои губы накрашены
На твоём пальце сверкает кольцо
с сердоликом с сердоликом
Я ем апельсин и пью красное вино
А за окном вечер вечер вечер
В твоей руке сигарета
И синяя струйка дыма поднимается к потолку
У твоих глаз морщинки
Твоё платье подобрано тщательно
синего синего цвета
Я ем апельсин и пью красное вино
А за окном вечер вечер вечер
Ты склонила голову набок
В твоей сумочке ключ от квартиры
В твоей квартире уютно и мягко лежат подушки
И шотландский плед
в жёлтую жёлтую клетку
Я ем апельсин и пью красное вино
А за окном вечер вечер вечер
Играет музыка
Люди танцуют
Твои глаза за ресницами как за бойницами
И гладкая кожа рук и гладкая кожа шеи
скрываются за рукавами и воротом платья
А волосы пахнут всё так же твоими духами
сиренью сиренью
Я ем апельсин и пью красное вино
А за окном вечер вечер вечер
вечер вечер
вечер

Из цикла "Немного английского"

В твоей норе всегда тепло,
уют и вкусно пахнет.
В моей норе всегда темно,
паук в углу – и тот зачахнет.

Ты пригласи меня к себе на чай с вареньем,
А я об этом напишу стихотворенье.
Я напишу его рукою каллиграфа,
И шляпу старую достану из-за шкафа.

И на углу, там, где киоск "Союзпечати",
Куплю букет фиалок и забуду сдачу.

Я у порога постучу три раза тростью,
Меня услышишь – дверь откроется для гостя.

И уходя, я помашу тебе рукою,
И осторожно за собою дверь прикрою.

И под луной туманно-жёлтою и крупной
Я закурю свою прокуренную трубку.

Вслед за луной, такую жёлтою, как булка,
Всю ночь домой буду идти по переулкам.

Из цикла "Немного английского"
Из цикла "Про собаку"

Я вышел из дома ещё до рассвета
в пальто длиннополом и старых штиблетах.
В лесу по тропинке от инея звонкой
я неторопливо гуляю с болонкой.
И руки в карманы засунув поглубже,
иду, огибая замёрзшие лужи.
И вижу, как слева под лапой еловой
незрелое солнце подняться готово.
Болонка, задравши у дерева ножку...
но мы отвлеклись от рассказа немножко...
Я дальше гуляю с болонкой своей.
Вдруг вижу в просвете еловых ветвей
навстречу идёт не спеша по дорожке
блондинка в дублёнке и модных сапожках.
А рядом, слегка натянув поводок, –
прекрасно упитанный мраморный дог.
И солнце, созревши, светило вовсю
красивой блондинке, красивому псу.
Как оба они молоды и прекрасны!
Пожалуй, я вышел гулять не напрасно.
Пожалуй, скажу "Добрый день!" для начала.
И шляпу уже с головы приподнял я.
Но гордо прошествовав мимо меня,
они удалились, молчанье храня.
Я шляпу надвинул обратно на нос.
Подумать – подумал, но не произнёс.
И только болонка, себя не сдержав,
сказала им вслед осторожное: "гав!"

ПЕСНЯ МНОГОЭТАЖНОГО ДОМА (Из "длинных песен")

Ночью хорошо.
Жильцы возвратились в свои квартиры.
По трубам горячую воду пушу.
Свет потушу.
Пусть будет теплее, темнее и тише.
Пусть люди спят.
Настрою антенны на крыше —
ловлю сновиденья,
сплетающиеся в клубок.
Это мысли мои.

Тысячью окон гляжу на небо.
Стеной подпираю ветер.
А вверху надо мной
в доме большом
засветятся миллионы окон.
И круглый жёлтый фонарь на краю
будет гореть одиноко.
Мысли-сны не дают мне покоя.

...Бегу по мокрой траве за солнцем...
...Падаю в синюю бездну без дна...
...Кто-то кричит и кричит:
— не надо, не надо...
...Меня одевают в пёстрые одежды,
и осыпают цветами, цветами...
...И всё время проносят мимо
носилки, укрытые белой тканью...
...Рельсы и шпалы нагретые пахнут,
а поезд всё ближе и ближе,
и никак не приблизится...
...По длинному коридору иду,
и заглядываю в комнаты,
и в каждой — не я...

...Она засмеётся за спиной,
 обернусь – и нет её,
 обернусь – и нет её... .
...Большая собака держит меня за руку,
 а папа и мама боятся её...
...Где же дно?
 Как же может его не быть?...
...Не надо! Не надо! Не надо!...
...Уберите носилки, пожалуйста...

К утру погаснет жёлтый фонарь,
и дом большой
скроется в синей бездне.
Мысли-сны от меня уходят.
Ветру наскучит –
свернётся в клубок у ног.
И солнечный луч
ударит в слепые окна.

Из "длинных песен"

Мальчик не верит в смерть.
Для него она – страшная тайна,
запретная дверь, за которой, наверное,
неведомый мир:
новое солнце, новое небо и новая земля,
а папа и мама, конечно, всё те же.
И бабушка – тоже. Она ведь всегда
такою была и такою останется –
бабушкой маленького мальчика.

В летних ласковых лесах
мы с бабушкой искали землянику,
и зимним вечером с вареньем пили чай,
и сказку долгую с волшебным окончанием
читали медленно.

Юноша смерти не замечает.
Он в самом начале
большого пути,
где все ветра попутны.
А конец его в следующем веке
за облаками мечты
не виден.

И я не заметил,
как умерла моя бабушка...

А ныне, как в старой шутке:
вдруг умирают люди,
которые раньше не умирали.
Вот и не стало
самого близкого друга.
И вот уже на себя
его примеряю судьбу.

Наверное, это зрелость —
себя не считать исключением.
Наверное, ветер сменил направление —
всё чаще оглядываюсь назад.

И вижу бабушку
в ласковом летнем лесу!
Она и не знает, что я уже начал сидеть.
Не замечает, что рядом меня уже нет.
И в эти минуты
уже не в пути я, а на перепутье,
и почему-то
мне кажется нужным понять:
Что же такое детство?
То, что в себе сохранил я навек?
Или то, что навек потерял?

* * *

- И пришёл Бог к человеку
и спросил его: "Почто забыл ты Меня?"
2. И удивился человек
и ничего не ответил.
И Бог ушёл.
3. И снова пришёл Бог к человеку
и спросил его: "Почто забыл ты Меня?"
4. И ещё больше удивился человек
и ничего не ответил.
И Бог ушёл.
5. И в третий раз пришёл Бог к человеку.
Но человек запер двери дома своего
и не пустил Бога.
6. И раскаялся Бог в гордыне своей.
И не стало Бога.
7. И пришёл час
и умер человек.
8. И пришёл человек к Богу.
И вот видит: нет Его.
9. И не стало человека.
10. И только четыре времени года
сменяли друг друга
между Землёй и Небом.
11. И был Камень. И был Ветер.
12. И было Озеро. И был Гром.
13. И был Огонь. И была Вода.
14. И путь их был замкнут
и неизменен.
15. Конец Вечности.
16. Конец Вечности.

*" Это грандиозно!
Что ещё сделает с тобой творец превращений?
Куда тебя направит? "*
Чжуан-цзы

Приходящего – не расспрашивай.
Молчащего – не прерывай.
Уходящего – не останавливай.
Ушедшего – не поминай.

Весною тоскуй о лете.
Летом предчувствуй осень.
Осенью жди зимы.
Зимою смотри на снег.

Если твой путь тяжёл и труден –
уйди в густую траву.
Если твой путь в тупиках петляет –
уйди в густую траву.
Если твой путь до вершин возносит –
уйди в густую траву.
Если твой путь улетает в пропасть –
уйди в густую траву.

Жизнь на земле продолжается вечно,
смерть – из числа относительных истин.
Может быть станешь кузнечика плечиком,
может быть станешь печенью крысы.

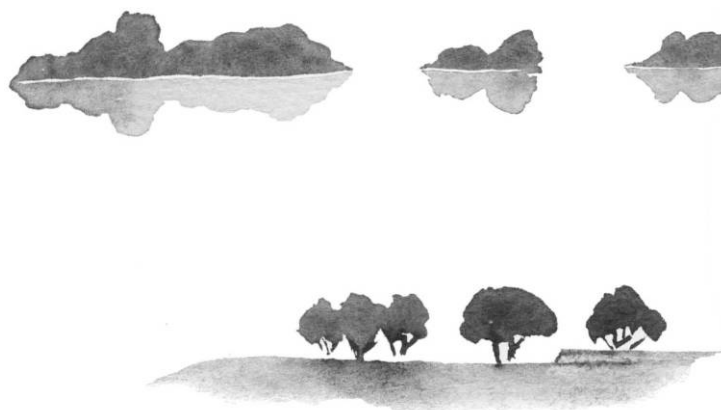
УЧЕНИК КОНФУЦИЯ

– Я прошу Вас за связку сушёного мяса
древнюю мудрость мне передать.

Не для того, чтобы владеть.
Не для того, чтобы гордиться.
Не для того, чтобы мудрым слыть.

А для того, чтобы бурный поток переплыть,
и на другом краю,
и на другом берегу
передать её, не запачкав,
другому ученику.

Учитель ответил: О!
Добиться этого невозможно!
Но за связку сушёного мяса
отчего не попробовать?

УЧЕНИК ЛАО-ЦЗЫ

Птицы ночной крик,
облаков через небо бег,

омута тёмного муть,
или воздух после грозы, —

вот в чём я вижу суть
учения Лао-цзы.

И как же может не быть
правильным этот путь?

Танец хризантемы

- 65 ТАНЕЦ ХРИЗАНТЕМЫ
67 СИРЕНЕВЫЙ СИРИН
68 КОРАНИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ
71 РУССКИЕ ТАНКИ
73 ВРЕМЕНА ГОДА
 Абсолют
74 ВЕСНА
75 ЛЕТО
76 ОСЕНЬ
77 ЗИМА
78 ВОРОНА
 Белый зимний туман
 На сосне на жёлтой ветви
 Земля затвердела и небо открылось
 Сверкание воды
 С обломанного дерева ворона отсыревшая
 Над домом красное солнце высунулось
 Снег и солнце
79 ДВЕНАДЦАТЬ ЛИПОВСКИХ ПЕСЕН
86 ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
87 ДИПТИХ
 I Она была в широкой красной юбке
 II Она была – и не было её

布一過
道

byy

Х
Р
И
З
А
Н
Т
Е
М
Ы

ТАНЕЦ ХРИЗАНТЕМЫ

Хризантема, что была посажена у восточной ограды сада,
спустя пятнадцать веков
отцвела далеко на западе на окраине вишнёвого сада.

И сегодня, вглядываясь в чистоту лепестков
и стремительный росчерк тёмных листьев, вижу
чудный танец цветка.

Художник пытался кистью остановить мгновение.
Поэт пьянел вдохновением от его аромата.
К женщине от приходил любовью.
К воину – ритуальным мечом.
К философу – тайной мира.

Самый дикий цветок из сада культуры.
Самый культурный цветок на лугах земли.

Хризантему рождает осенняя луна
– ледяная планета поэтов.

Вой одинокого волка не слышен ли в этой песне?
Луны половина постели.
Немолодость женщины.
Ужас мальчика со скрипкой в руке.

Математически рассчитано холодное совершенство
линий.
Непредсказуемо дико неистовство танца
движений.

В огромном ли каменном зале у огня родового камина
или в маленькой комнатке у дрожащего язычка свечи,
тепло ледяной хризантемы
греет души мужчин и женщин,
обещая что-то более важное, чем невозможно далёкое
лето
и вовсе несуществующая весна.

И только ближе к началу времён,
когда свечу зажигали для продолжения разговора с
другом,
а ещё чтобы допить вино,
лепестки хризантемы плавали в винных чашах
и не были покрыты инеем,
как ныне покрыты инеем
все пятнадцать веков танцующей хризантемы.

Высохших лепестков шелуха шелестит страницами книг
в которых столь удивителен шелест шелухи душ
древних мудрецов.

Юная девушка моего времени!
Когда я дарю тебе цветок хризантемы,
видишь ли ты в этих линиях складки одежд
прекраснейших женщин
такого долгого прошедшего времени?

Учёный философ моего просвещённого времени!
Учитываешь ли ты в своих необычных расчётах
и странных движениях слов
мудрость
танцующей хризантемы?

Господа военные люди!
Сменив древний меч на ракеты и танки,
сохранили вы честь хризантемы
и стойкость нежного цветка?

Любимая!
Возьми этот стебель.
Ты видишь – он снова танцует в твоей руке.

СИРЕНЕВЫЙ СИРИН

На дереве синем сиреневый Сирин
о вечной невесте стозвучную песню
то жалобно плачет, то сладко поёт.

Взлетает до неба стрела или лебедь.
Падёт на осоку копье или сокол.
То в губы целует, то в очи клюёт.

О вечной невесте прощальная песня
как крик журавлиный с небесного клина,
как уханье сов из оглохших лесов.

Про красные зори и чёрные грозы,
про белое море и чёрные горы,
про ясные взоры и чёрную кровь.

А где же лихие твои женихи?
Там злые курганы – зелёные раны
на теле степи спит усталый ковыль.

Плывут над курганом больные туманы.
А мёртвые боги ушли по дороге,
похожи на ветер, похожи на пыль.

Убитые звери, забытая вера,
без тела одежда, истлела надежда,
по белому морю уплыло кольцо.

О вечной невесте венчальную песню
играет на лире сиреневый Сирин –
незрячая птица с девичьим лицом.

КОРАНИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

День, который сделает детей седыми

Словно волчий вой
над пустой землёй
долгий голос трубы

слушают в утреннем свете
ещё не рождённые дети,
и мертвецы покидают гробы.

Несущий ношу лишится ноши.
Целующий женщину лишится губ.
Высокий лес как осока скошен,
тростинкою тонкой ломается дуб.

Горы, прочно стоящие над равниной,
падают как миражи в пустыне.
Тянувший руки лишится рук,
матери – сын, мужа – жена, и друга – друг.

Ближе к тебе, чем ярёмная жила,
над каждою вещью могучая сила.
Тебя наконец-то оставит она.
Ты станешь собою до самого дна.

И ты свою потеряешь тень.
И ты получишь полный расчёт.
Орёл и решка, нечет и чёт.
И дольше века продлится день.

С зелёной землёю, ставшею белой золой,
синее небо сойдётся, ставшее белой мглой.

Сады, где внизу текут реки

В этом сне наяву
бесконечно мгновение длится,
беспредельно раскрыто
в обе стороны времени.

В этом месте сошлись
все тропинки земли,
неба облачные пути,
и прямые дороги
благородных мужей.

Ничего не исчезло:
те же солнце и звёзды,
те же женские ласки,
те же шрамы на теле,
та же грязь в колее.

Ничего не осталось:
ни высоких мечтаний,
ни бездонных отчаяний.

Даже горе стало частью
обязательного счастья.
Даже радости безумие
отрешённой египетской мумии.

Над равниною светом наполненной
словно водоросли под волнами
на бессонных качелях вечности
качаются сны человеческие.

Жёлтые верблюды

Здесь конец – это снова начало.
А начало – начало конца.
Падая вверх, птица кричала,
рождённая не из яйца.

По кругу за тенью тень
врага преследует враг.
Здесь каждый стрелок – мишень.
А свет чернее чем мрак.

Твоя рука на плече
впереди идущего.
Обернётся – увидишь себя.

Позади идущего
рука на твоём плече.
Обернёшься – увидишь себя.

Здесь нет сна.
Ночь ярче дня.
Здесь до самого дна
колодцы полны огня.

Прошедшую жизнь как подачку
бросили на нищенское блюдо.
Вот и вся твоя пища отныне!

Бессонно идут по пустыне
караваны жёлтых верблюдов,
жующих вечности жвачку.

РУССКИЕ ТАНКИ

Прохладным утром
древний аромат плывёт.
С белых яблонь дым
снова шепчет: "Всё пройдёт.
Снова будешь молодым."

Хоть не отшельник,
хотел бы поставить дом
высоко в горах,
чтобы друзей принимать
среди облаков и скал.

Не шелохнётся
рядом с ущербной луной
ветка берёзы.
Слышен вдали разговор.
Не разобрать тихих слов.

Яблоневый цвет
в деревне Федюково,
слева от шоссе.
Не поднимая пыли,
пройду у края поля.

За Шелутьково
нет деревни Шилов —
поросла травой.
За холмом зелёным там
тяжёлый еловый бор.

Грач

Тает чёрный снег.
Талых вод прозрачен бег.
Бесконечный бег.
Берегом летучих рек
бродит чёрный человек.

Будто из губки,
из серого воздуха
сочатся дожди.
Схожа весна с осенью,
до лета идущей вспять.

Полна пустыня
Пустотой по самый край,
Где небо пусто.
Лишь здесь, среди деревьев...
Но и они печальны.

Белой мглы крыло
на шпиль Карадага
медленно легло.
Кто знает: навсегда ли
покидаю Коктебель?

ВРЕМЕНА ГОДА

Абсолют

Ждать весны, чтоб рисовать цветы.
Лета ждать, чтоб в лете раствориться.
И слагать осенние стихи.
И зимою к очагу стремиться.

ВЕСНА

Капли на берёзовой ветке.
Не иней растаявший –
Весенний дождь!

Безветренная оттепель. Крики птиц.
Следы капли на снегу
как тысячи маленьких лапок
птенцов Весны.

Мой рыжий щенок, увязая в снегу,
добрался до ветки и замер...
Почудилось?
Ах, он ещё не знает,
что есть весна!

ЛЕТО

Белое небо. Дерево у дороги.
Безветрие и тишина.
Путник услышал сердце своё.

Вьюнок

Пока солнце ещё не поднялось с земли
и роса не вернулась на небо,
так нежен и чист! —
Утренний голос цветка.

Как яблоко большое налитое
среди листвы созрела тайна лета.
Весенний сок перебродил за лето
в тягучий хмель осеннего покоя.
И бьётся, бьётся сердце травяное.

ОСЕНЬ

Как в луже небо глубоко
среди жёлтых листьев!
Два воробья слетели вниз напиться.

Осенних костров над землёю плывёт дымок.
Слабое солнце в далёких плывёт облаках.
Осенней волною уносит и радость, и страх.
Слабые ветры уносят мёртвый листок.

*"...Алые клёны увидишь,
Листья сорвёшь, любуясь..."*
принцесса Нукада

Красные клёны –
два дерева среди берёз зелёных.
Как два стиха из дальней страны,
что в сердце моё
восточный ветер принёс.

ЗИМА

Между утром и долгим вечером,
будто горсть сухого снега на ветру,
едва мелькнёт
 день декабря!

По всем приметам зимний день прекрасно начат:
Деревья живы, солнце светит, снег лежит!
Над крышей дома линия электропередачи,
а в небе ярко-синем белый дракон удачи!

Перед рассветом в чёрнобелом мире
стволов и снега
ветвей и неба
ворона пролетит
и пробежит собака...

ВОРОНА

Белый зимний туман.
Уходящий автобус...
Под крылом у вороны
сугробы,
 дорога,
 и я.

На сосне на жёлтой ветви
сидит ворона круглая, как шар.
Морозный ветер огибает сосны.
Ворона спит. Летит по небу пар.

Земля затвердела и небо открылось,
И солнце гуляет в вершинах берёз.
Внизу в очарованном инеем мире
Ворона проносится, вытянув нос!

Сверкание воды.
Вороны крики.
И светлая сосна!

С обломанного дерева ворона отсыревшая
Ах! жалобно так тявкает! И клюв у ней дрожит.
А у меня запазухой один щенок пригревшийся:
– Воронам нужно каркать! – он хрипло говорит.

Над домом красное солнце высунулось.
Прокричала ворона. Ухнул мороз...
Объятый инеем лес зазвенел.

Снег и солнце.
Ветер блестящий,
сверкающий блёстками инея.
Небо синее
среди деревьев в вышине.
И крик вороны в тишине.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛИПОВСКИХ ПЕСЕН

Летом 1995-го года в деревне Липовка написал я эти песни, которые, может быть, совсем и не песни. Но, когда я писал их, я пел. Песни были разные, но все немножко грустные. А какие ещё песни могут звучать на лугах, в лесах и на берегу реки? О чём ещё можно думать под высоким и широким небом? Только о Боге и своей растворяющейся в пространстве-времени жизни-смерти. О грибах в лесу, землянике в лугах, карасях в речке, облаках в небе и огне в печке. Это что-то вроде сна наяву.

1

*Ветер сильный.
Волны бегут по воде.
Листья шумят.
Качаются ветви кустов.
Неспокойна вода.
Ветер сильный.
В небе серые облака.
Ветер сильный.
Что я могу сказать?
Ветер сильный.
На что я могу надеяться?
Ветер сильный.
Что я могу понять?
Ветер сильный.
Что я могу увидеть?
Ветер сильный.
Что я?*

2

Если серые облака, низко летящие над землёй, –
это край запылённый плаща Бога,
то хочу я спросить:
Куда держит путь этот Старец?
Разве есть, куда уйти Ему?
Разве есть, что оставить?

3

Вглядываясь в соцветие увядающего цветка,
кто не пожалеет о скоротечности жизни?
кто не вознесёт молитву о спасеньи своей души?
Но никто в этом мире
не пожалеет Бога,
не вознесёт молитву о спасеньи Его.

4

Если правда, что Бог сотворил человека,
то сколь неудачен этот опыт Его!
Кроме жалоб и просьб ничего Он не слышит.
Но теперь уж не скрыться в одиночестве прежнем.

5

Тёмная вода, что легла под мои ладони,
вдруг стала небом, в котором
плыли деревья и голос звучал:
Если, как ты говоришь,
люди так любят Бога,
отчего жалеют они себя, или друг друга,
но не Его?

6

Уснувший рыбак на резиновой лодке
плывёт по теченью реки.
Навеки уснувший рыбак на резиновой лодке
плывёт по течению жёлтой реки.

7

Восходящего солнца туманный круг
плывёт по воде ко мне.
Восходящего солнца туманный круг
с дальнего берега плывёт по чистой воде ко мне.

8

Дальний берег плывёт в тумане
между двух восходящих солнц.
Дальний берег исчез в тумане
между двух голубых пустот.

*В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.*

Кони пасутся в лугах
и думают:
*В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.*

Птица парит высоко
и думает:
*В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.*

Ива глядится в белую воду
и думает:
*В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.*

Думает о смерти моя душа
и видит:
*В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.*

Думает о смерти моя душа
и видит:
*В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.
В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.
В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.
В белом небе белые облака,
белый ветер, белый шум.*

Их было шесть и звались они:
Ветер, Дерево, Небо,
Камень, Трава и Вода.

Ветер был его звуком.
Дерево было жизнью.
Небо было светом.
Камень был его телом.
Трава была его кожей.
Вода была душой.

А потом они ушли,
и он остался один.

И кто-то седьмой,
кого он не знал,
тихо-тихо сказал:

*Теперь я буду тобой,
Теперь я буду тобой,
Теперь я буду тобой
до скончания времён.*

Зачем ты, художник, рисуешь дерево?
 Солнце играет в его ветвях,
 и шепчутся листья с ветром летящим.
И ты им не нужен.

Зачем ты, художник, рисуешь воду?
 Плывут по воде облака,
 и шепчутся волны с прибрежным песком.
И ты им не нужен.

Зачем ты, художник, рисуешь горы?
 Небо лежит на вершинах гор,
 и шепчутся травы на склонах крутых.
И ты им не нужен.

Я знаю, художник, что ты одинок и в пути.
 Печальней сюжета тебе всё равно не найти.
 И дерево плачет,
 тоскует вода,
 и горы – в молчании.
 Ты снова рисуешь своё с пустотою
 венчание.

Не лучше ли нам прекратить эти глупые споры?
 И выбросить краски, и кисти сломать.
 Из дерева сделать ладью и, плывя по воде,
 ожидать,
 как вдали вырастают до неба безумные горы.

В нашем большом лесу много белых грибов.
Мы собираем их.
Очень нам нравится это.

На нашем большом лугу выросла земляника.
Мы собираем её.
Очень нам нравится это.

В нашей большой реке водятся караси.
Ловим мы карасей.
Очень нам нравится это.

В нашей жизни давно нет места страху и боли.
Не вспоминаем про них.
Очень нам нравится это.

В наших больших домах много сушёных трав.
Тонкий плетём узор.
Очень нам нравится это.

Тонкий плетём узор, думаем о хорошем.
Выйдет большой ковёр.
Очень нам нравится это.

Будет к зиме ковёр, постелим его на пол.
Будем смотреть в огонь.
Очень нам нравится это.

Будем смотреть в огонь, будут сниться тёплые сны.
Вы не будите нас. Вы не будете нами.
Вы не будите нас. Вы не будете нами.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Я видел дожди —
 повисшие в небе
 волосы туч,
 с секущимися концами,
 не достигающие земли.

Я видел солнце,
 прыгающее через дождь,
 падающее к ногам,
 блестящее и влажное.

Я видел цветы,
 обезумевшие от красоты,
 бредущие через луга.

Я видел ручьи,
 упившиеся водой,
 соскальзывающие
 с круглого тела Земли.

Я видел круглые глаза озёр,
И плачущие деревья,
И смеющуюся траву.

Я видел белую смерть,
 опутавшую вишнёвый сад.

Я видел чёрный тюльпан
 распустившейся ночи.

Я слышал, как старик Морзе
 выстукивает звёзды —
 звезду за звездой.

Я слышал смех пьяного Ли Бо,
 свесившегося с края небесной лодки,
 пытающегося поймать голубую Землю.

Я видел его лицо
 похожее на Луну.

Мне шептали страшные сказки
тени, прячущиеся в углах.
Мне на грудь прыгал ветер.
Мне на спину ложилась земля.

Приходили из леса волки —
вместе со мной повыть.

Мои ноги опутывали
тяжёлыми росами.
Мою душу душил
клубящийся белый туман.
Мне в уши вливали
жидкий гелий
птичьих трелей.
Мне заливали в глаза
синий холод рассвета.

Потом меня расстреляли
лазером утренней зари.

Я умер и вернулся
в нашу тихую виртуальную реальность,
к пасторали рекламы
и политических новостей,
к старомодной мелодии
террористических взрывов
и выстрелов киллеров.

ДИПТИХ

I

Она была в широкой красной юбке.
И чёрной океанскою волной
взлетали волосы. Её глаза глядели
со страшной недоступной глубины.

Она являлась каждый раз внезапно
как знак судьбы, как шторм, как ураган.
И в воздухе металась чёрных хлопьев
и пепла белого горячая метель.

И уходила, всюду оставляя
поверженных руины городов.
И билось сердце, будто перед взрывом.
И кровь как сумасшедшая кружила
по венам и артериям моим.

II

Она была – и не было её.
Как не бывает дуновенья ветра,
как не бывает детских сновидений,
и тающего следа облаков.

Она была, конечно, в белом платье.
И волосы – как иней и роса.
Её глаза глядели как дневная
прозрачная неполная луна.

Не возникая и не исчезая,
она летала в небе городском.
И сердце замирало и не билось.
И льдинки невесомые кружили
по венам и артериям моим.

Любовь к древнекитайскому

- 91 Любовь к древнекитайскому
92 Что может быть дерьмовее дерьма
93 Сегодня осень бешено красива
94 А вообще-то жизнь
95 Как утренний дымок над крышей дома
96 Чувство свободы сходно с чувством разлуки
97 Осень идет по тропинкам дубовой рощи
98 Старые дома уходят в землю
99 Задумчивое существо тумана
100 Собака белая сидела
101 День ушёл. Он был полон забот
102 ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА
103 *«Пью старинное вино...» Абу Нувас*
НОЧНОЙ ГОСТЬ
104 ГОРОД И НЕБО
105 НА ОКРАИНЕ ГОРОДА
106 Маленькая акварель
107 НА СВАЛКЕ
108 ЭРА РАЦИО
109 На бледном небе пол-Луны
110 *Разглядывая репродукцию картины Ма Юаня*
"Бродячие певцы" (династия Южная Сун)
Облачной тени бежит граница
111 ВОЗВРАЩЕНИЕ
112 Тысячелистника белое поле и сосны вдали
113 В своих скитаниях земных
114 Вот и осень.
115 Я видел: художник в осеннем лесу
116 *"Хочу, чтобы Вы Остались на осень со мной" Ван Вэй*
Под широкими далями неба
117 В тумане светлом деревья из пустоты
118 Цветы на вершинах вознесшихся трав

ЛЮБОВЬ К ДРЕВНЕКИТАЙСКОМУ

Я хотел бы работать грузчиком
в винно-водочном магазине,
натянув халат темно-синий,
ворочать тяжелые ящики,
потеть волосатой грудью,
материться охрипшей глоткой,
и курить сигареты без фильтра,
сплёвывая в проход.

И не знать ничего на свете!

Но не пить ни капли вина.

И домой приходя с работы,
на засов запирая двери,
облачившись в халат с кистями,
под жёлтой настольной лампой
склонившись над чёрными знаками
древних китайских книг,
пить чёрный имперский чай!

* * *

Что может быть дерьмовее дерьма,
что мнит себя сверхчеловеком?
В степи растет полынная трава,
горька на вкус и запах.

Что может быть обиднее обид
от близкого, родного человека?
В глухом лесу луч солнца на поляне,
и в диких травах голубой цветок.

Что может быть тоскливее тоски
идущего сквозь строй непониманья?
В горах высоких бьются родники,
и сосны растворяются в тумане.

Что может быть несправедливей смерти?
И неоконченной, чем жизнь?
Над белой речкой цепенеет ночь,
и близится предутренний озноб.

* * *

Сегодня осень бешено красива.
Мне мой другой сказал: "Напьемся пива!
И поплывём по золотым волнам.
И будет весело и дружелюбно нам."

Колёсный трактор тарахтит в капустном поле.
Крылатый лист летит, отпущенный на волю.
У старого пруда с вечернею водой
мне мой другой сказал: "Ну, я пошёл домой!"

Как дождь, как снегопад, как звёздная метель,
так он пошёл домой, как дудочка-свирель.

* * *

А вообще-то жизнь —
совсем небольшая штука,
где все бесконечности мира —
в кольце немногих годов.

И вовсе не так сложна
любви и добра наука.
И вовсе не так уж мрачен
неведомый смысл слов.

Просто придумали люди,
чтобы казаться больше,
зла и войны забаву
и несвоих богов.

А вообще-то жизни
невелико искусство,
подобно зелёной бабочке,
что на ладони детства
ищет свою капусту.

* * *

Как утренний дымок над крышей дома,
что треплет ветер,
как солнца зимнего тепло,
как тень и запах —

такой представилась мне жизнь.

И воды времени текли меж берегов,
заросших ивами и камышом.

Мы, бросив весла, пили чай из фляги.
И кто-то говорил, что впереди
есть Белая Гора, что выше солнца.

И думалось мне — там конец пути.

* * *

Чувство свободы сходно с чувством разлуки,
с одиночеством путника на рассвете,
с полётом птицы в небе пустом.

Радость приносит лишь возвращение,
подобно природному круговращению.

Но и радость весны окрашена грустью,
чувство времени – грустное чувство.

Душа – это то, чем я чувствую время?
А, может быть, время чувствует меня?

"Свободно! Наконец-то свободно!" –
думает оно, когда я ухожу.

* * *

Осень идет по тропинкам дубовой рощи.
Печали полны перемены времён.

Сухие листья засыпали крышу.
Заколочены двери. Темны проёмы окон.

Солнце встаёт на востоке, заходит на западе.
Не по ошибке пришли ко мне
вечерние года.

Из рукавомника капает
на траву дождевая вода.

* * *

Старые дома уходят в землю.
По крышам пробежит трава.
Деревьев корни заглядывают в окна,
и тянут ручку двери.

И только жёлтые ключи
в стенах подземных ищут броду,
и умершие кирпичи
пьют неродившуюся воду.

* * *

Задумчивое существо тумана,
прозрачайшее из существ,
поднявшееся над росой ранней
и покидающее лес.

Как легкое движение бледной туши,
из кисти льющейся, играющей в руке
китайского художника. И души
тумана и художника сливаются в реке
предутреннего времени.

* * *

Собака белая сидела
и тихо на воду глядела.

А по воде плыла дорожка.
И солнце падало в луга.
Собака думала немножко.
Немножко думала река.

И, размышляя в тишине,
деревья опустили листья.
Один лишь я, как бы во сне,
стоял без чувства и без мысли.

Огни заката угасали.
Вода струилась почернелая.
Ушла домой собака белая.
И все деревья тихо спали.

Лишь я, задумавшись, стоял
и стих вечерний сочинял.

* * *

День ушёл. Он был полон забот.
Смотрю на вечернюю луну.

В осень уходит стареющий год.
Смотрю на красную луну.

Жизнь как река в океан без остатка уйдёт.
Смотрю на восточную луну.

ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА

Я под яблоней сидел
в привокзальном скверике
и на Голову глядел
Золотую.

Солнце падало за Дом
Железнодорожников.
Голова была окутана
сиянием.

Я спросил Владимира Ильича:
"Ни хрена себе случилась История!"
Но Владимир Ильич промолчал,
только в небо глядел светло-синее.

Мимо бабушка прошла,
подобрала бутылочку.
Из буржуйского кафе
громыхнула музыка.

Тут и поезд подошёл,
я в Москву поехал.

А в городке провинциальном,
в скверике привокзальном
Золотая Голова всё глядела,
как закат умирал
оранжевый.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

«Пью старинное вино...»

Абу Нувас

Налей мне тёмного вина.
Того, что старые поэты
Нам завещали пить до дна.
До дна ночи, что значит — до рассвета.

Пусть чёрный шелк потрачен молью звёзд.
Или не звёзд — а города огней.
Сегодня у меня высокий гость.
Любимая! нам тёмного вина налей!

Застанет нас врасплох суровый свет.
Замолкнет вдруг взволнованная речь
На полуслове.

Я оглянусь — и гостя уже нет.
Лишь из кувшина тёмное вино всё будет течь
Подобно крови.

ГОРОД И НЕБО

Два великана
тысячеглазых,
руками упершись в плечи,
друг другу смотрели в очи.
И это казалось навечно.

Но ближе к полуночи
первый из них,
не выдержав, смежил веки,
забывшись в глубоком сне.

И снилось ему до рассвета,
что долго другой великан
над миром безмолвно летал,
сверкая бессонно
тысячью узких глаз,
всё время навстречу
верхнему ветру,
гнавшему ветхие тучи...

НА ОКРАИНЕ ГОРОДА

Над плоскостями в дырочках-огнях
Луна светила
дико и пустынно.
В компьютерных бездомных снах
душа усопшей деревушки
нестрашным призраком бродила.

Маленькая акварель

Сучья срубили с деревьев в аллее.
В кучу большую их свозят на санках
два старика в телогрейках, ушанках,
в ватных штанах и растоптанных валенках.

Маленькая акварель

НА СВАЛКЕ

Порос бетон зелёным мхом.

Железный лом и стебли трав
переплелись в одном движении.

Уединенье пустыря
люблю, по правде говоря.

В заброшенности есть очарованье.
Разрозненного мира воссозданье.

И странной правды тишина.

И кукла старая. И чайник —
но без дна.

ЭРА РАЦИО

Кто бьёт в зелёный барабан
по вечерам,

а на рассвете – вечно пьян! –
готовится ко сну,

тот лишь один на нашей улице
оплакал уходящую весну.

* * *

На бледном небе пол-Луны
 кренилось набок.
Над верхним краем рощи стаи птиц
 летали, каркая.

Морозный ветер весело кусался.
А на Востоке солнце полыхало,
малиновым сияньем исходя.

И я подумал: – Мы живём не зря!
И на автобусе поехал на работу.

*Разглядывая репродукцию
картины Ма Юаня
"Бродячие певцы"
(династия Южная Сун)*

Облачной тени бежит граница —
мне её не догнать.

О чём-то с ветром ругается птица —
мне её не понять.

Иду весёлый весенней тропой.

Люди! Дайте мне руки —
на весенней прогулке
будем петь и плясать.

Единственный раз в году.
Из века в век.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В забытые годы вели шаги
Вдоль тёмной ограды одни валуны
Не поднять головы, не поднять руки

И птица пропела: умри, умри
На старой тропе посреди травы
В малиновом свете зари

* * *

Тысячелистника белое поле и сосны вдали.
Тысячи дней между нами туманом легли.

Не перейти через поле по узкой тропе.
Вниз уплываю по времени жёлтой реке.

Вдоль берегов бесконечной равнины простор.
Друга я встречу и долгий веду разговор.

О тысячелистнике детства закончу рассказ,
а жёлтые воды уже разделяют и нас.

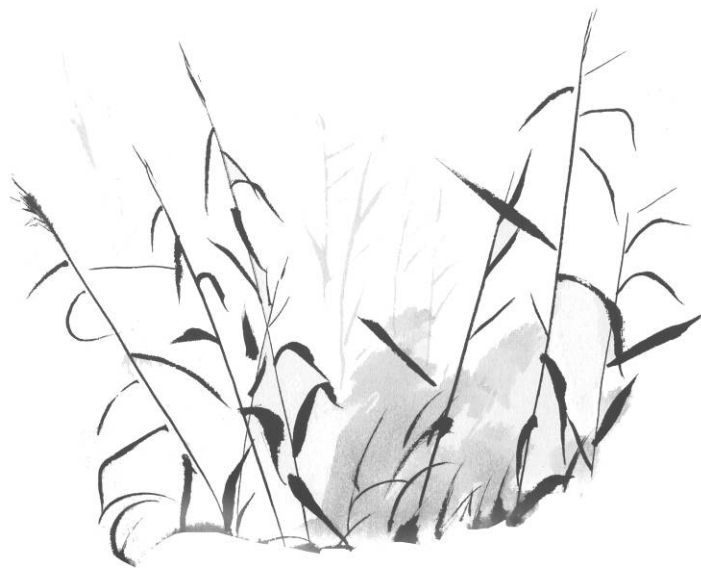
Солнце уходит и мрак обступает ночной.
Тысячелистника белое поле горит надо мной.

* * *

В своих скитаниях земных
я не ищу астральных истин.

И каждый раз у трав лесных,
и в струях льющих речных

теряю всё, что накопилось.

* * *

Вот и осень.
Клонит в сон.

Утром ранним изморось.
И небесный звон.

Вечер с непогодой —
ветер прилетает.

Осень — вечер года,
говорят в Китае.

* * *

Я видел: художник в осеннем лесу
стоял и смотрел на дубы.

В нераскрытом этюднике вздрогнула кисть
и бумаги лист
побледнел.

*" Хочу, чтобы Вы
Остались на осень со мной. "*
Ван Вэй

Под широкими далями неба
осенних лесов полоса,
дубов опустелая роща
и оставшихся птиц голоса.

Времени тёмные воды
уносят в прошлое многих.
Тех, кто остался со мною
на осень, я благодарю.

* * *

В тумане светлом деревья из пустоты
Выходят на край земли.

В тумане светлом увидишь детство.
Увидеть его нельзя!

В тумане светлом любовь безответна.
Была ли она, была?

В тумане светлом деревья в пустоту
Уходят с края земли.

* * *

Цветы на вершинах вознесшихся трав.
Цветы на вершинах вознесшихся трав.
Цветы на вершинах вознесшихся трав...

Малоизвестный факт

- 121 *"Вот бреду я вдоль большой дороги..." Тютчев*
Малоизвестный факт
- 122 *Валере Красильникову*
У края города, от леса в стороне
- 123 Отцветают яблони в заброшенном саду
- 124 РОЖДЕНИЕ–ЖИЗНЬ–СМЕРТЬ
- 125 Всем, кто любит меня
- 126 Разве у человека одна душа?
- 127 Человек умирает в Боге
Только ветра один порыв – и исчез
- 128 Ничто не вечно в этом невечном мире
- 129 Мы будем плакать, мы будем плакать
- 130 В вечернем автобусе мчаться куда-то во тьму!
- 131 Говорят: слова как дети
- 132 *«Хорошо бы собаку купить» Иван Бунин*
Уеду в глушь от сует человеческих
- 133 Сегодня я вымою пол
- 134 Курить сигареты "Ява"
- 135 Вересковая пустошь. Земляничная поляна
- 136 В берёзовых аллеях детства
- 137 Я слышу шёпот листвы
- 138 Слишком часто ты права бываешь
- 139 МОЛИТВА
- 140 ЧЁРНАЯ РЕЧКА
- 141 Я маленький играющий гобой
- 142 Странник – это тот, кто странный

布道過

by

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ФАКТ

" Вот бреду я вдоль большой дороги... "
Тютчев

Все они умерли,
люди жившие в Российском государстве
в августе 1864 года.

Валере Красильникову

У края города, от леса в стороне
Сосна кривая так приятна мне!
С вершиной плоской в вышине.

Один человек сказал: – "Сосна эта будто святой.
Весь безобразный город искупит собой!"

– "Разве можно сравнить одну сосну
И десять тысяч людей?!" –

Воскликнул я и в шуме ветвей
Услышал: – "Конечно, нельзя!
Конечно, люди важней!"

* * *

Отцветают яблони в заброшенном саду.
По дорожке каменной медленно иду.
В бывшем барском доме с гербом наверху
Дом умалишённых с мастерской внизу.

Отцветают яблони, ивы высоки.
В церкви отпевание, плачут старики.
Видно, что хоронят молодую жизнь.
В доме кто-то стонет, и грохочет жечь.

РОЖДЕНИЕ–ЖИЗНЬ–СМЕРТЬ

Какая Чёрная капель
Чёрная метель
Какая Чёрная метель
По Белой памяти моей

Всё зачеркнуть! –
Играй свирель
В тяжёлой плоскости земли
В дорожной мягкой пыли
Или
в паутине зелени и солнца
В....

....

....

....

Всё зачеркнуть! –
Звенит капель
Какая Белая метель
Белая метель
По Чёрной памяти моей

Всё зачеркнуть.
Всё зачеркнуть.
Всё зачеркнуть.
Всё зачеркнуть.

* * *

Всем, кто любит меня, —
иней, ветер, цветы, и листья
всё ж остаются с вами!

* * *

Разве у человека одна душа?

Их столько, сколько стволов в лесу.

Среди них заблудилось, подобное эху,
в ветхом плаще на тонких плечах
моё "я".

* * *

Человек умирает в Боге.
Бог рождается в человеке.
Безначален и вечен этот круговорот,
этот всплеск пустоты...

* * *

Только ветра один порыв – и исчез
дикой вишни белый цветок.
Минуя Бога, вглядываюсь в пустоту...

* * *

"Ничто не вечно в этом не вечном мире."
Ударил по струнам, запел на закате дня.
"Ничто не странно в этом не странном мире."
Поднявши юбки, кружилась при свете звёзд.
"Ничто не пьяно в этом непьяном мире."
Забрался в небо, и в небо вошла Луна.
"Ничто не нужно в этом ненужном мире."
О берег бились волны солёных слёз.

Угрюмый мальчик на берег вышел.
Весёлый старец его встречал.
Пошли по краю всё выше, выше.
Один смеялся, другой молчал.
Подняли крылья, ступили в пропасть.
Один всё падал, другой взлетал.

А та, что в небе кружилась звёздном,
душе шептала: "Лети, лети!",
вернуться хочет, но слишком поздно,
и ищет, ищет назад пути.
Но в небе слишком разрежен воздух,
к земле дорогу ей не найти.

"Ничто не вечно в этом не вечном мире."
Порвались струны, но молча они не звенят.
"Ничто не странно в этом не странном мире."
Проснулась ночью – усталые ноги болят.
"Ничто не пьяно в этом непьяном мире."
Какого же чёрта с похмелья болит голова.
"Ничто не нужно в этом ненужном мире."
И больше всего не нужны, не нужны слова.

* * *

Мы будем плакать, мы будем плакать,
мы будем плакать, мы будем пить.
А кто не с нами, тот просто глупый,
не понимает простых вещей.

Ведь дождь не может не падать с неба.
Не может дым над землёй не плыть.
Не может птица летать по небу.
Не может волк на луну не выть.

Мы будем плакать, мы будем плакать,
мы будем плакать, мы будем пить.
А кто нас спросит: "Да что случилось?"
тому мы можем в ответ завывать.

Ведь ветер тоже летит и воет,
хотя к чему бы уж ветру выть.
И туча тоже летит и плачет,
хотя к чему бы ей слёзы лить.

Мы будем плакать, мы будем плакать,
мы будем плакать, мы будем пить.
А кто нам скажет: "Ведь жизнь прекрасна!",
того попросим мы выйти вон.

Ведь солнце тоже всегда уходит.
И жизнь уходит как летний сон.
И кто-то рядом всё время бродит.
И чей-то слышен всё время стон.

Мы будем плакать, мы будем плакать,
мы будем плакать, мы будем пить.

* * *

В вечернем автобусе мчатся куда-то во тьму!
Подслушивать шёпот влюблённых, зажатых в углу,
И крик старика – откровение в пьяном бреду,
И телом сливаться в большую немую толпу.
В вечернем автобусе мчатся куда-то во тьму!
Звезда предрассветная мне прокричит на углу,
И дымы-туманы клубятся, клубятся внизу.
Вот всё, что способен, вот всё, что теперь я могу
– В вечернем автобусе мчатся куда-то во тьму!

* * *

Говорят: слова как дети,
нужно быть за них в ответе.
Мне скучны заботы эти.
Я пустил слова на ветер
из глуши своей души.
Ветра в поле не ищи!

Льёт ли дождь иль солнце светит,
реки, падая с вершин,
пьют туманы по низовьям.
Небо круглое, с овчину,
ширь земную покрывает.
Белый иней покрывает
"травяное изголовье".

Я уйду, а моё сердце,
переполнено до края,
я оставлю у дороги
"студенцом серебряным".

«Хорошо бы собаку купить.»

Иван Бунин

Уеду в глушь от сует человеческих.
Сниму замок, открою дверь избы.
Зажгу костёр в глубинах русской печи.
Весёлый дым повалит из трубы.

Не пойман, не опознан, не подсуден -
я возвращаюсь к истинной основе.
Горячий чай из глиняной посуды.
Табачный дым мешается с сосновым.

Ночная тьма и звёзды за окном,
и месяц тонок как в прыжке борзая.
Страницы книг охотничьим ножом
я медленно и важно разрезаю.

В огонь печи как в родовой камин
уходит взгляд как поезд от перрона.
Как нравится мне, что сижу один
и наслаждаюсь прозой Честертона.

У ног моих ложится славный пёс
и голову на лапы опускает.
Он зимней шерстью хорошо оброс
и от тепла спокойно засыпает.

Недвижима в ночи земная твердь.
Лишь изредка из леса – крик совы.
И если к нам в окно заглянет смерть,
мы даже не подыдем головы.

* * *

Сегодня я вымою пол,
и, значит, пол будет чистым,
А после я сяду за стол
пить чаю с вареньем душистым.

И если вы скажете мне,
мол, нет в этом высшего смысла, —
Бог с ним, здесь — моё Бытие,
Исход мой, Левит мой и Числа.

И если вы скажете снова:
старик, ты глупеешь в деревне, —
в ответ не промолвлю ни слова,
и буду пить чаю с вареньем.

И если вы крикните, сжав виски,
мол, что говорить с дураком! —
в ответ я ботинки сниму и носки,
и молча пройду босиком.

* * *

Куриль сигареты "Ява",
"Столичную" водку пить
в деревне, где нет переправы
и некому почту возить.

Раскрывши старые письма,
в молчаньи сидеть за столом.
Смотреть как желтеют листья
у старых берёз за окном.

Умом понимая сущность
больших перемен в стране,
почувствовать сердцем скучность,
остаться душой в стороне.

А чтобы не было грустно,
а чтобы не было скушно,
соседка придет тётя Дуся,
старинную вспомнит частушку:

*Сидит Ленин на престоле –
два нагана по бокам:
нынче землю разделили
по живущим едокам.*

* * *

Вересковая пустошь. Земляничная поляна. Персиковый источник.
Ветер летит. Солнце слепит. Вода бежит.
Голоса-призраки. Взгляды-призраки. Тени-призраки.
Звуки волынки. Звуки дудочки. Звуки флейты.
Ворон кричит. Медведь кричит. Обезьяна кричит.
Платье измялось. Платье испачкалось. Платье намокло.
Мальчик с ясным взором.
Мальчик с ясным взором.
Мальчик с ясным взором.
Осень. Лето. Весна.
Старик с тростью. Старик с клюкой. Старик с посохом.
Зима.
Молчание. Молчание. Молчание.
Вересковая пустошь. Земляничная поляна. Персиковый источник.

* * *

В берёзовых аллеях детства
гуляют умершие люди.
Скрипит телега на дороге,
кричит петух соседский,
и девочка соседская глядит.

Над лугом скошенным в тумане
тихонько солнце мёртвое встаёт.
И девочка соседская идёт
по глиняной тропинке босиком.

Как долг путь в небытие!

Ещё и ворон в вышине
лет сто, наверно, будет видеть,
как девочка соседская идёт,
как ей навстречу я иду.

* * *

Я слышу шёпот листвы,
голос далеко за рекой,
шум ветра, несущего дождь.
Только тебя я не слышу, мой друг.

Я вижу круги на воде,
деревьев упавшие ветви,
облака серого дым.
Только тебя я не вижу, мой друг.

Я прожить не сумел
этот день как последний.
Будет ли завтрашний день иной?
В уединеньи моём
мне не хватает тебя.

* * *

Слишком часто ты права бываешь —
я тебя боюсь.

В этот раз я не спрошусь
и уйду — куда не знаю —

так приятно затеряться
в пыли тысячи дорог!

В мягкой пыли...

МОЛИТВА

Спасибо Тебе, Господи, за то, что дал
мне тот уголок в лесу,
и ту поляну, тот старый пенё,
и ту кривую сосну.

Спасибо Тебе, Господи, за то, что дал
напиться того дождя,
и ветром тем осушить лицо,
и в небо то окунуть глаза.

Спасибо Тебе, Господи, за то, что дал
ночную минуту ту,
и тот рассвет, что меня позвал,
и сумерки тихие те.

Но больше всего, за то, что отдал
мне сердце единственной той.
Спасибо, Господи, за то, что не дал
мне мимо пройти её.

И вот почему я Тебя не прощу,
если раньше меня Ты возьмёшь её.
И Ты уж, Господи, меня прости,
но раньше неё меня не жди.

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

С Восточного берега сосны стеной крепостной.
Горят их стволы золотыми цветами заката.
А Западный берег укутал ковёр травяной,
до дальних холмов непрерывною лентой раскатан.

Так тихо, что птицы умолкли, и ветер листвой не шумит.
По чёрному зеркалу лодка бесшумно скользит.
По чёрному зеркалу лодка уходит на Юг.
Вращается медленно неба серебряный круг.

Трава водяная то справа, то слева плывёт.
В подводных глубинах тяжёлые корни плывут.
В глубоком поклоне смиренные ивы плывут.
Тростник вдохновенно в иных измерениях плывёт.

Мгновение падает в Вечности чёрный провал.
Закатного солнца дымится тяжёлый овал.
Как капля росы выступает на небе звезда.
И кажется, будто глаза открывает вода.

Ушедшего дня утекает медлительный свет.
И тени ночные выходят на берег реки.
И кажется, вновь возвращаются те, кого нет.
Приблизятся тихо и нежно коснутся руки.

* * *

Я маленький играющий гобой.
По веткам яблонь прыгаю как зайчик.
И раздаётся под зелёною Луной
Мой переливчатый и серебристый вой,
Когда на клавишу жмёт пальчик.

Я мокрая берёзовая аллея.
Ещё не растаял снег на моих плечах.
Мои глаза полны воды.
Моя душа полна весенней печали.

Я человеческий ребёнок.
У меня вместо личности мировая истина.
Я ещё не вышел из пелёнок:
Руками двигаю как ветками,
И хлопаю ресницами как листьями,
И голосом кричу на мёртвом языке.

Я плохая погода.
У меня в душе только ветер, и дождь, и снег, и тьма.
Я иду по колено в воде.
Я туман раздвигаю руками.

Меня нет никогда и нигде.
Всегда и везде я с вами.

* * *

Странник — это тот, кто странный,
кто всегда в пути. И страны,
точно годы, копит память.

Между небом и землёй,
между знанием и тайной
путь лежит всегда иной,
и навечно постоянный.

МОЙ АРХИТЕКТОР

В запечатанном четырёхмерном цилиндре пространства-времени моего детства Архитектор и Ученик ведут нескончаемые беседы о том, как устроен этот мир...

"Как устроен этот мир?" – спрашивает Ученик.
Архитектор говорит:
"Мир на части расчлени:
Ты увидишь в левой части –
все болезни, все напасти.
Ты увидишь в правой части –
только радость, только счастье."
"Неужели всё так просто?" – спрашивает Ученик.
Архитектор закружился, на свистульке засвистел,
и ногой притопывает в лад.
Начинается торжественный обряд:
Надевает Ученик голубой колпак.

"Что такое дорога?" – спросил Ученик.

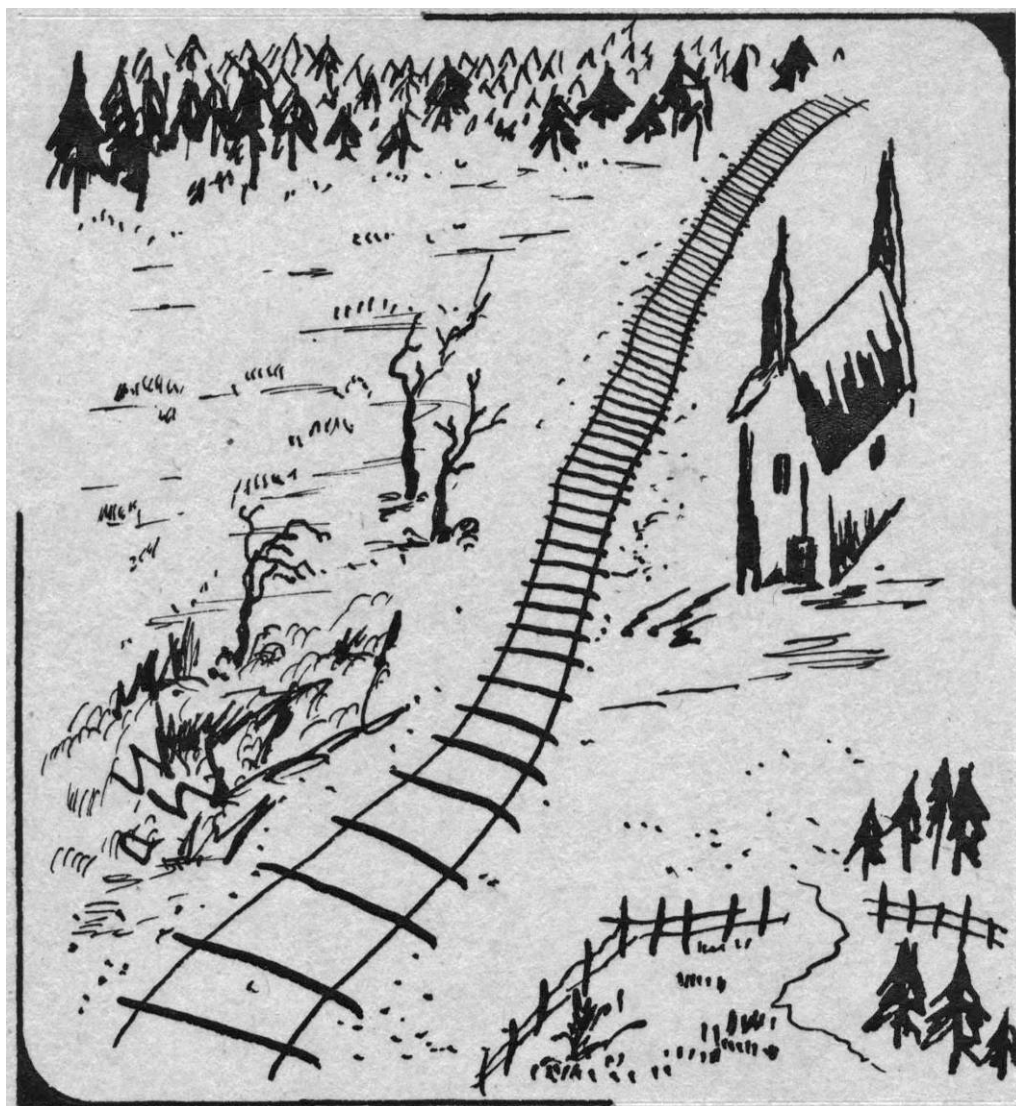
Архитектор сказал: "Пойдём."

"Но могу ли уйти я из этого мира?"

Архитектор сказал: "Не можешь."

"В чём же смысл пути?" – спросил Ученик.

Архитектор сказал: "Пойдём."

Архитектор сказал: "Нет ничего печальнее Железной Дороги."

"Что значит "нет ничего печальнее Железной Дороги"?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

Железная Дорога пересекает мир с запада на восток, и с востока на запад. Если двигаться вперед, то будущее – на востоке, а прошлое – на западе. Но если возвращаться, то будешь приближаться к западу и отдаляться от востока. Железная Дорога – это главная ось мира. На востоке – тоска неизвестности, но туда нельзя уйти. На западе – тоска возвращения, но возвращение – через неизвестность. Иногда по Железной Дороге проходят поезда. Это бывает редко, но это означает, что связь с другими мирами существует. Поезда пересекают мир с запада на восток и с востока на запад. Можно смотреть на них, когда они проходят через мир. Поезда проходят не останавливаясь.

Поэтому и говорят: "нет ничего печальнее Железной Дороги."

"Что такое печаль?" – спросил Ученик.
Архитектор ответил улыбкой.
"Жизнь ненадёжна, неверна и зыбка."
Архитектор ответил улыбкой.
"Затеряна в море прозрачная рыбка."
Архитектор ответил улыбкой.
"Но всё же надежды мне чудится свет."
Архитектор ответил: "Нет."

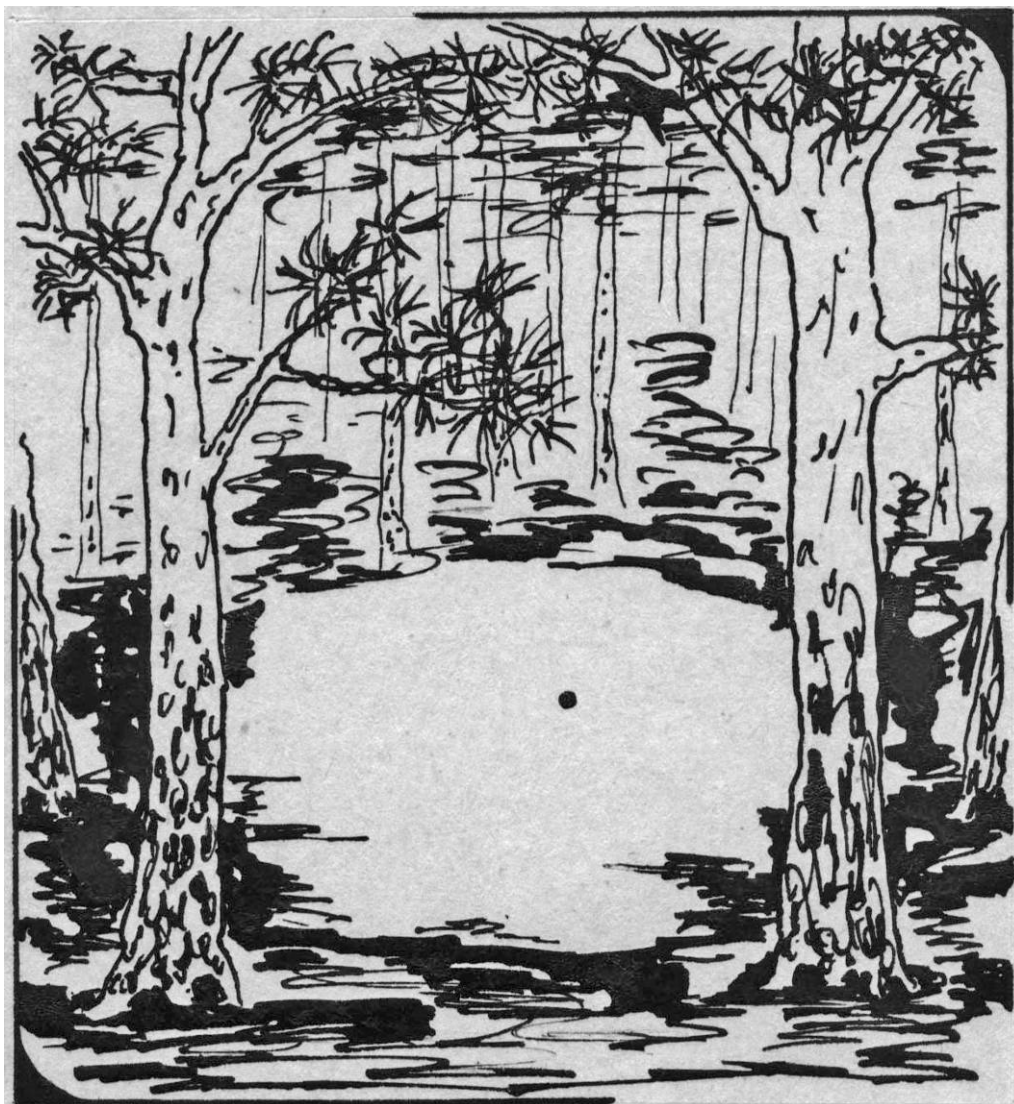
Архитектор сказал: "Сколь велика прелесть малого движения."
"Что значит "прелесть малого движения"?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"К западу от Жёлтого Дома есть Песчаный Холм, поросший молодыми соснами. Самые высокие из них не выше головы маленького человека. Присядь и ты увидишь лунки в песке. Это муравьиный лев делает лунку, когда прячется в песок. Когда муравьиный лев чуть пошевелится, песчинки тихо осыпаются в лунку.

Поэтому и говорят: "прелесть малого движения".

"Что такое тишина?" – спрашивает Ученик.
Архитектор бьёт в барабан: "Бам-ба-бам! Бам-ба-бам!"
Архитектор дует в трубу: "Ду! Ду-ду! Ду! Ду-ду!"
Архитектор палит из пушки: "Ба-бах!"

Архитектор сказал: "Небо и Землю соединяет трава."
"Что значит "Небо и Землю соединяет трава"?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"К северу от центра мира – тысячелистника белое поле и сосны
вдали и вокруг. Они часовые времени. По кругу время не
движется. Время само есть круг, заполненный соцветьями
перемен. В сухом перестукивании стеблей выстраивается

мелодия пути. 12 перекрестков на нем как 12 нот. 2048 – число перемен. Тысячелистника белое поле то ли рождает время, то ли хоронит время. Даже ночью тысячелистника белое поле горит над миром. Но каждый знает: тысячелистник – это всего лишь трава.

Поэтому и говорят: "Небо и Землю соединяет трава."

"Как построить мне дом?" – спросил Ученик.
Архитектор сказал: "Выкинь вон
всё, что ты накопил: эти брёвна гнилые, этот битый кирпич."
"Простите, но это память моя." – ему прошептал Ученик.
Архитектор молча взмахнул крылом
и скрылся в теснине гор за утёсом орлиных гнёзд.

Архитектор сказал: "В доме без стен всегда свежий воздух."
"Что значит "в доме без стен всегда свежий воздух"?" – спросил
Ученик.

Архитектор ответил:

"Центр мира занят сосновым бором. Деревья старые и поэтому пол чистый и крыша плоская. Стволы широкие и ровные. Они не создают стен, но размечают пространство на комнаты – их углы, ниши и выступы. Переходя из комнаты в комнату, переступаешь через корни деревьев и будто открываешь и закрываешь двери. Прислонившись спиной к стволу, будто смотришь в широкие окна. Только ветер, несущий запахи мира, гуляет свободно.

Поэтому и говорят: "В доме без стен всегда свежий воздух."

"Что такое смерть?" – спрашивает Ученик.

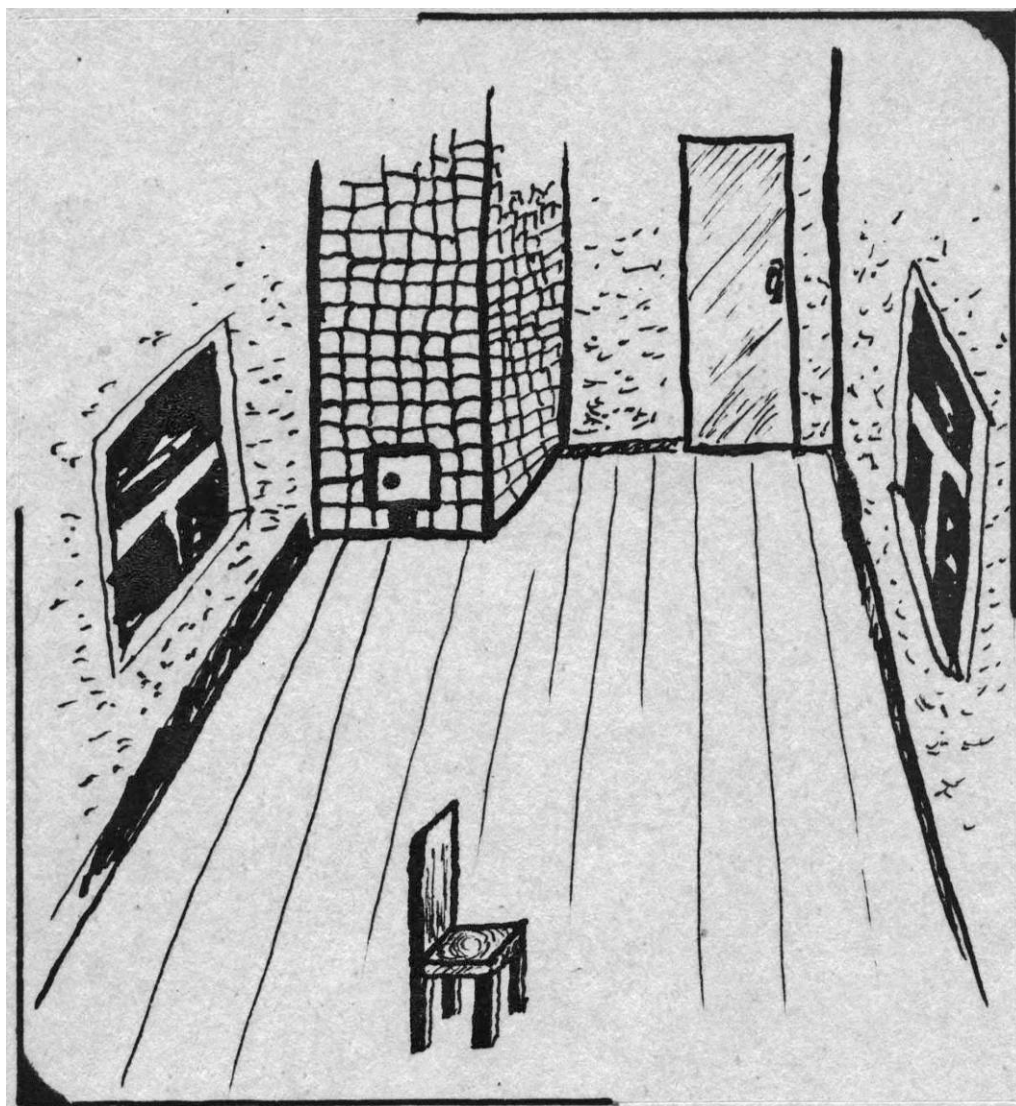
Архитектор говорит:

"В ящик досчатый положат,
в землю влажную зароют,
холм насыпят и уйдут."

"Неужели всё так страшно?" – спрашивает Ученик.

Архитектор засмеялся, в кружку пива нацедил,

"С Вас полтинник!" – объявил.

Архитектор сказал: "В сердцевине мира гнездится грусть."

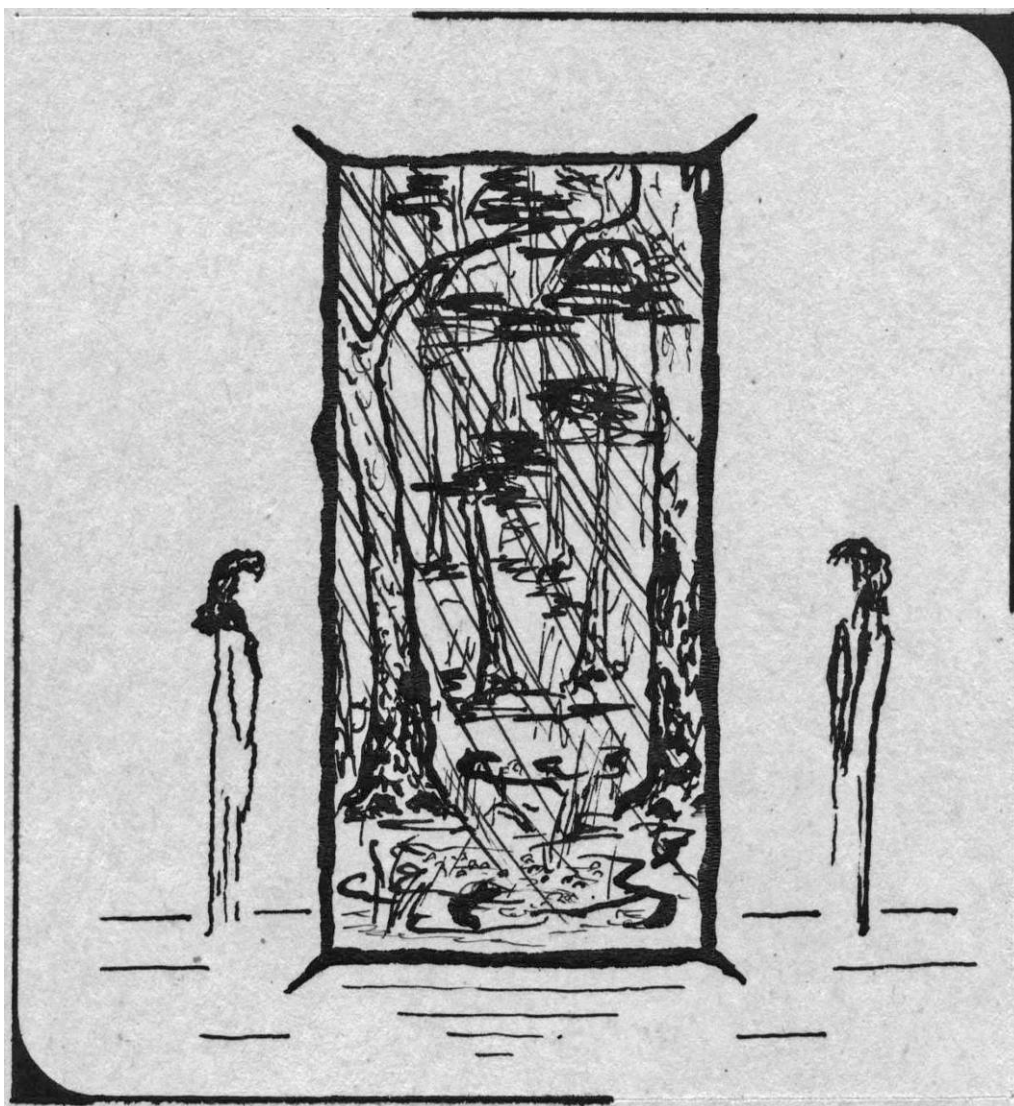
"Что значит "в сердцевине мира гнездится грусть"?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"В центре мира – маленький домик. У изразцовой печки ходит по полу птица-удод. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Птица-удод. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Птица-удод. На голове у неё хохолок. Птица-удод. Она ходит по полу.

Поэтому и говорят: "В сердцевине мира гнездится грусть."

"Что такое любовь?" – спросил Ученик.
Архитектор сказал: "Ну что ж!
Если нету больше других забот,
то можно ещё любить."
"Сколь грустная Ваша теория!" – заметил ему Ученик.
Архитектор заплакал –
стали влажны рукава его платья.

Архитектор сказал: "Встреча людей подобна проливному дождю."
"Что значит "встреча людей подобна проливному дождю"?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"В центре мира рядом с маленьким домом, в котором гнездится грусть, есть другой маленький дом. Он пуст, в нём никто не живет, но дверь открыта. Когда с неба на землю внезапно падает проливной дождь, можно укрыться в пустом доме. И в раскрытую дверь смотреть, как водяные струи льются с вершин сосен на траву и корни, соединяются вместе и текут по тропинкам земли. Если другой человек тоже спрятался здесь от дождя, можно смотреть вместе. Это называется встреча людей. Неважно, обменяются ли они взглядами или словами или прикосновениями. Чувство соприсутствия подобно воде омоет их души и соединит струями, прозрачными и осязаемыми как струи дождя. Они промокнули с головы до ног.

Поэтому и говорят: "Встреча людей подобна проливному дождю."

Спрашивает Ученик:

"Там, где деревья уходят вниз,
где солнце лежит у ног,
где в антинебе – антибог,
где тонет мокрый осенний лист,
там ли на дне океанских луж
приют для усталых душ?"

Архитектор говорит:

"Ну, конечно!"

Архитектор сказал: "Светла вода в колодцах."

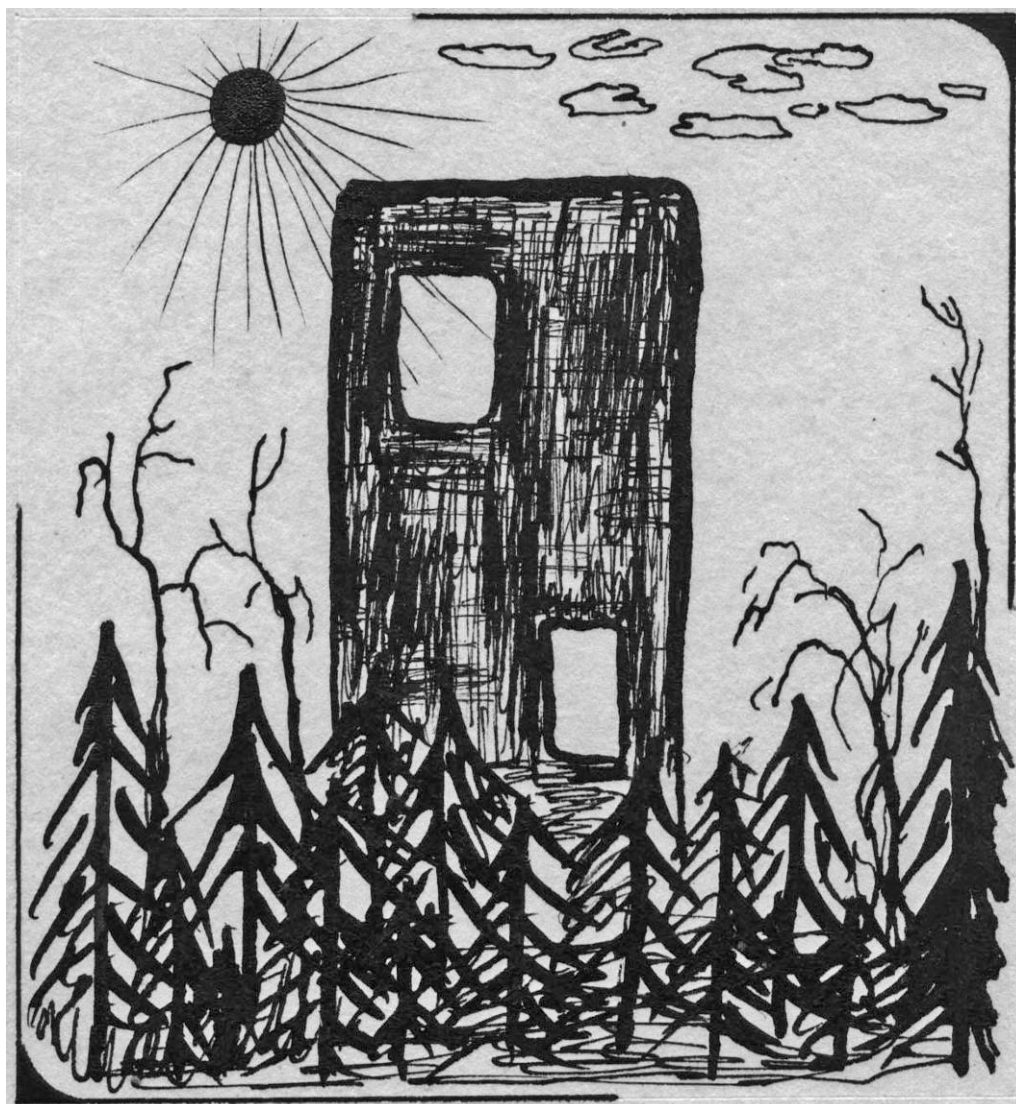
"Что значит 'светла вода в колодцах'?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"Колодец находится в западной части мира, недалеко от Станции. В нём сплетаются пять стихий. Его космическая основа – небесный Огонь наверху, холодная Вода внизу, и тёплый песок Земли посередине. Его уток – это живое и человеческое: пустотелое Дерево колодезного сруба, внутри которого – звенящий Металл колодезной цепи. В летний полдень, когда солнце в зените неба, тень колодца падает внутрь него. В глубине, на том конце падения – тёмная фигурка маленького мальчика в сияющем небе и ореоле солнечных лучей. Поднимаешь цепь и ставишь ведро на край сруба – так, что небо переливается через край и падает на сухой песок земли.

Поэтому и говорят: "Светла вода в колодцах."

"В чем смысл искусства?" – спросил Ученик.
Архитектор повёл рукой:
"Наша миссия – в мир нести
истину, добро, красоту и покой.
Волею духа преображая душу и мир
в один волнующий миг."
"Яволь! Мой Архитектор!" –
выкрикнул Ученик.

Архитектор сказал: "Следуя ритуалу, человек поднимается до детства."

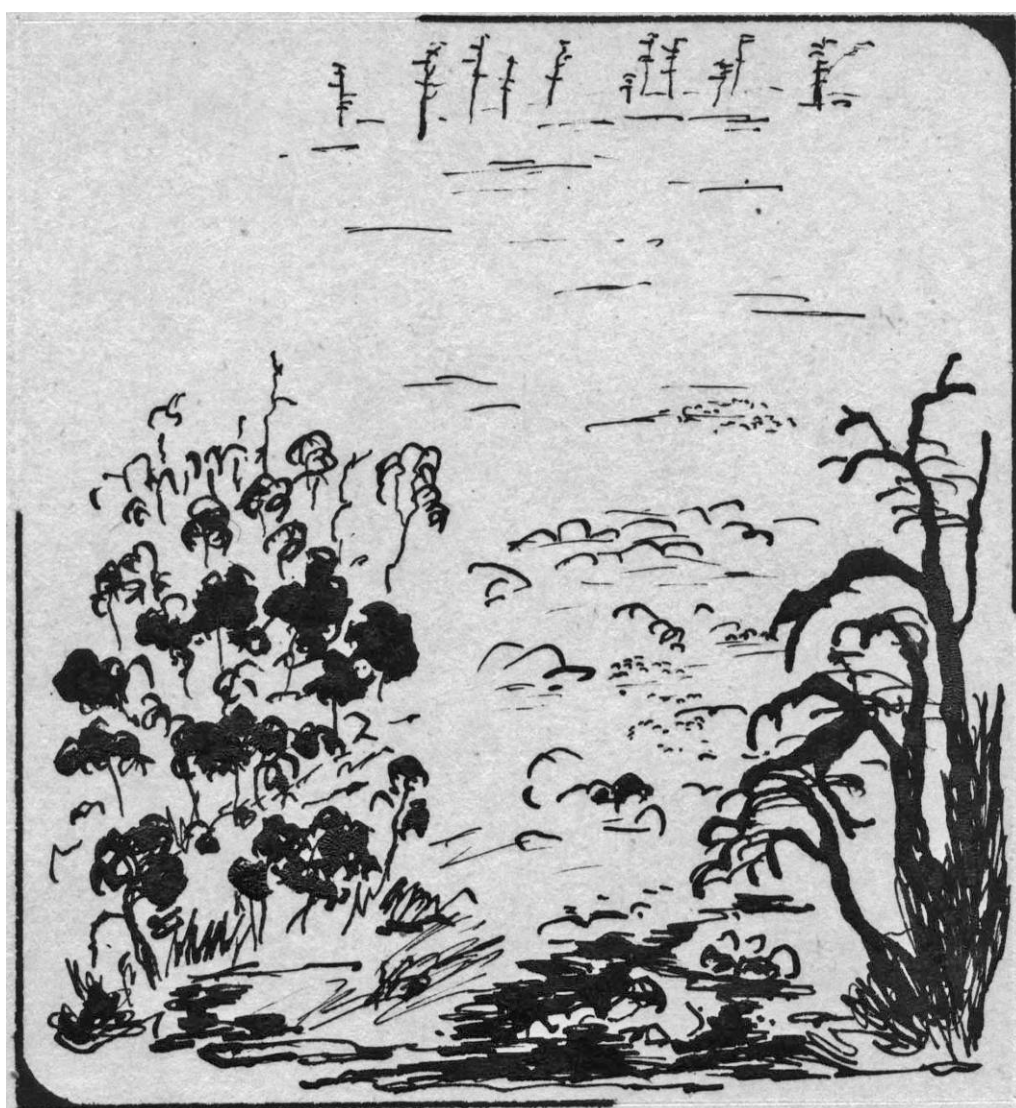
"Что значит "следуя ритуалу, человек поднимается до детства"?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"К югу от Железной Дороги есть полоса препятствий для тренировки солдат. В конце её – Высокая Стена. Она делит мир на две половины: западную и восточную. Крыша – это небо, пол – земля, внешние стены – горизонт. С одной половины на другую можно перейти двумя путями: через нижнее окно в Стене – это путь земли, и через верхнее окно – это путь неба. Конечно, можно просто обойти Высокую Стену, но это было бы нарушением ритуала. Дети, играя в "войну", обычно используют нижний путь, но тот, кто не боится и поднимается до верхнего окна, видит солнце в небе.

Поэтому и говорят: "Следуя ритуалу, человек поднимается до детства."

"Что есть человек?" – спросил Ученик.
Архитектор взял карандаш:
"Сначала рисуем овал живота,
и узкую щель – для кричащего рта,
и кости-штрихи – чуть поболее ста..."
"А разве не в разуме и душе
человека сокрыта суть?"
Архитектор в сердцах сломал карандаш:
"Скорее-скорее об этом забудь!"

Архитектор сказал: "Невыносимо, когда граница не имеет предела."

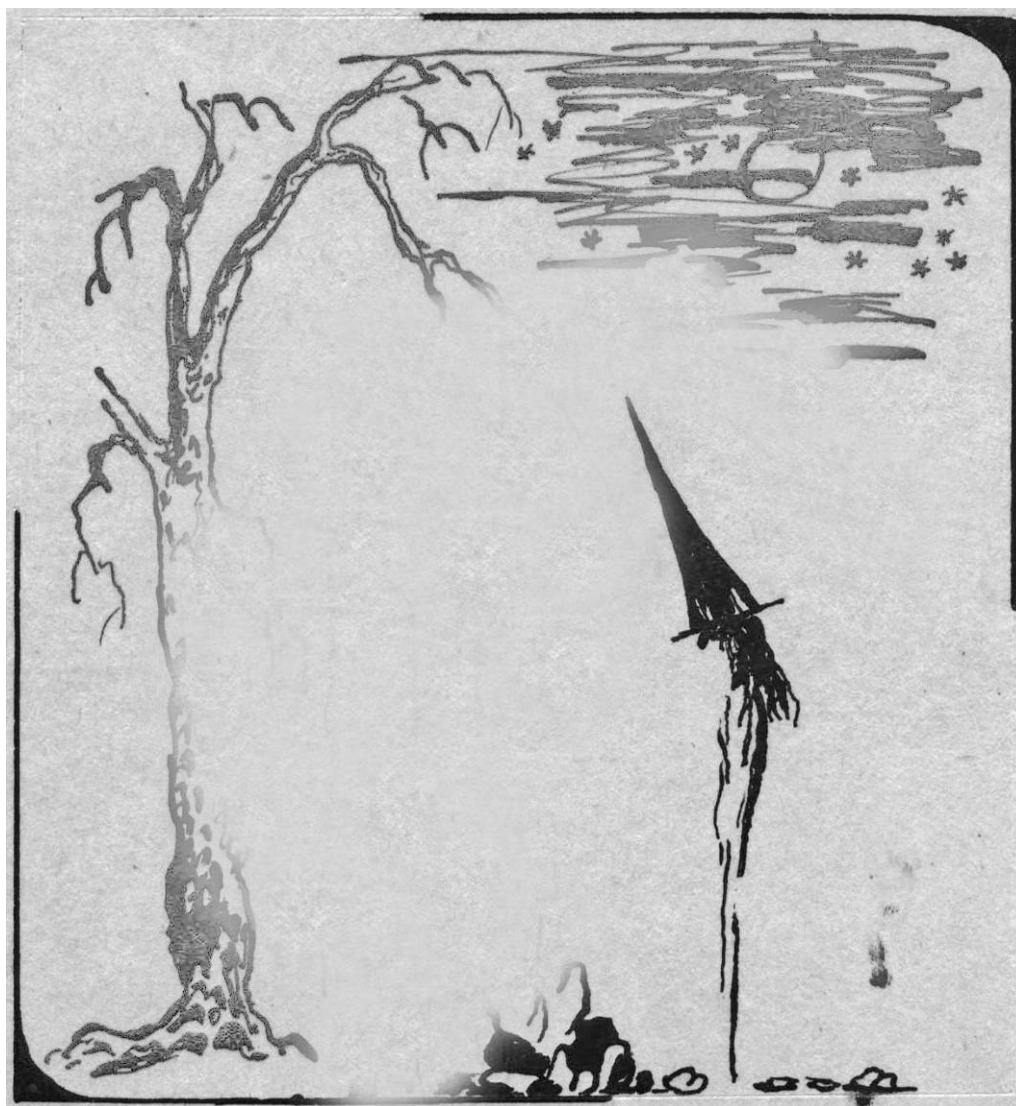
"Что значит "граница не имеет предела"?" – спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"На юго-востоке мира есть Большое Болото. Оно начинается от самой Железной Дороги и уходит на юг. Это и есть граница мира. Но здесь она не имеет предела; она доходит до горизонта, но не там её предел. Ты видишь далеко-далеко чёрточки мёртвых деревьев. Не дойти до них. Но и деревья – не предел. И неизвестно – что там? О, если бы пройти Болото из конца в конец! Есть ли земля на другом краю? Что это за земля? Ты никогда не узнаешь этого.

Поэтому и говорят: "Невыносимо, когда граница не имеет предела."

Спрашивает Ученик:
"В чём источник истинный творчества?"
Архитектор уходит.
Ученик остается один
познавать горький вкус одиночества.

Через белую поляну проходил его путь. Тропинка ныряла под белый цвет к тысячам зелёных стеблей и листьев, к жёлтой земле. Тысячелистника белое поле было зеркалом неба. Десять тысяч перемен созревали в чашечках цветов. Казалось, они гудели в напряжении и ожидании, и тишина была низким гулом времени. Ветер, влетавший в поляну, делал круг и замирал неподвижно в тёплом воздухе. Тёмное золото сосен плыло по кругу, по кругу. Высоких сосен иероглифы теснились в небесной плоскости

древнего текста. Пять тысяч иероглифов было в том сосновом лесу, окружавшем поляну. Ещё не прочитанным был этот лес, не свершившимися – перемены тысячелистника, мутно белое зеркало.

Ученик сделал маленький шаг. Тропинка вела его в библиотеку – за деревьями на том конце поляны. Женщина-библиотекарь выдала книгу Ученику. С книгой в руках он шёл мимо клумбы с красными и жёлтыми цветами, мимо стендов с правилами военной подготовки, мимо палаточного лагеря с солдатами пяти государств, вдоль железной дороги, по горячему песку, мимо колодца и звона цепи, мимо маленьких холмиков с круглыми лунками муравьиных львов, по песчаной дороге, ведущей к озеру, по тропинкам в лесу, через луг с цветущей травой.

Негде было остановиться, чтобы читать книгу.

Разве что вернуться домой и, забравшись с ногами на кровать, раскрыть книгу и смотреть в окно на деревянный стол и лавку, на тропинку и лес...

Позже, когда он шёл по улицам городов, глядя на здания, автомобили и людей, он ловил себя на странной мысли, что за всю свою жизнь так и не прочитал ни одной книги. Он снова шёл в библиотеку, брал книги у друзей, покупал в магазинах, проводил пальцем по корешкам томов на своих книжных полках, перекладывал стопки книг на письменном столе, доставал книгу из сумки и убеждался, что закладка со вчерашнего дня переместилась ещё на несколько страниц. Вроде бы успокоенный, он открывал книгу и, глядя в белые страницы её, видел вереницу полян, уходящих куда-то вдаль и вверх, где на холме стояло здание библиотеки. Начиная читать вслух и слышал сухой перестук стеблей тысячелистника. Пытался читать по слогам, шевеля губами, – будто одну за другой, одну за другой отрывал мелкие чашечки белых цветов.

Может быть, книга затерялась в лесу, между корней сосен? или под травой поляны? или в сухом песке у железной дороги? В том времени, когда мама была молодой, а он не умел читать? Прибегала рыжая собака Рекс. И как-то он сказал ей: "Давай прочитаем книгу." Она лизнула его в нос и убежала, махая хвостом.

Падал снег за окном, засыпая тропинку к дому, в печке потрескивали дрова, домашние ушли в гости, а чай в кружке был

ещё горячим, когда он начал писать книгу. Стебли тысячелистника почти ровными рядами ложились на белую поляну бумаги. Он старательно рисовал тычинки над чашечкой буквы ё и узкий лепесток над буквой й. Белая с чёрным собака забралась с ногами на кровать и, свернувшись калачиком, смотрела на него тёмным глазом. Белое зеркало зимнего дня помутнело и стало темнеть, когда он лёгким движением дописал сухую ветку чуть ниже кроны первой сосны. Оставалось ещё 4.999.

"А хорошо бы выпить." – подумал он вдруг. Тут в избу вошли люди. На столе появилась закуска, из подпола достали бутылку. Соседские бабушки слабыми голосами пели старые песни, будто вились узкие тропинки в лесу. Он выпил ещё, и в голове зашумел проснувшийся ветер. Ночь терпеливо стояла под окнами, ожидая, когда её впустят внутрь.

Проснувшись, он увидел бледное солнце в окне. Белая с чёрным собака подошла и лизнула его в нос. "А что, может быть, пока все спят, мы успеем прогуляться в Большую Библиотеку по лесной дороге, или по луговой дороге, или по дороге вдоль Чёрного Озера?" – подумали они оба. Он быстро оделся и они вышли в рассеивающуюся муть утреннего тумана.

Архитектор умер.

ХАЙКУ-ЛИПОВКА

В деревне Липовка, что затерялась среди лугов и лесов на границе Рязанской области и Мордовии, в августе месяце я сочинял свои хайку. Потом нарисовал к ним картинки и наклеил на перфорированную бумагу для принтеров. Получилось четыре свитка. Я повесил их на стене веранды, прикрыл сверху чистой бумагой и скрепил стеблями травы. Несколько раз собирались люди на моей веранде: и отдыхающие горожане, и местные жители. Я немножко рассказывал о японских и русских хайку. А дальше вынимал стебли травы один за другим, открывая картинки и читая стихи.

Может быть, вы что-то увидите здесь,
Может быть, вы что-то увидите здесь,
Может быть, вы что-то увидите здесь,
Может быть, вы что-то увидите здесь.

Волнуясь, дарю
новые хайку друзьям –
новым и старым.

Мы едем ночью.
Шум ветра и мотора.
Свет звёзд и окон.

Не грусти, жена.
Скрасит небо заката
месяц молодой.

Так выбелил зной
синеву, что пропали
узоры Неба.

Запах полыни
ветер донёс и горечь
из сердца ушла.

Дождь долгожданный!
Люди сложили зонты —
стоят и мокнут.

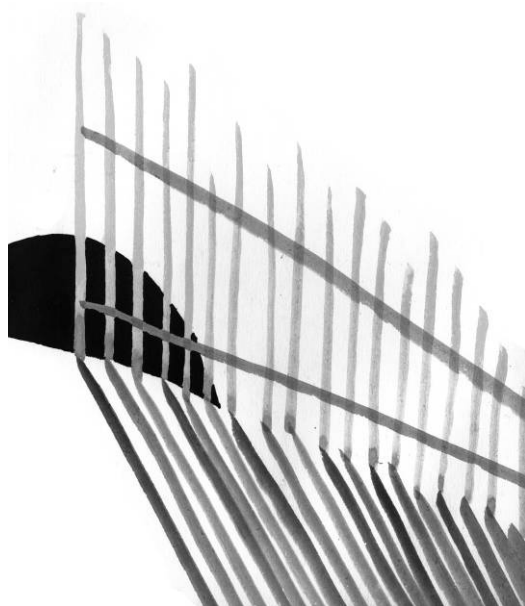

Здесь раньше был мост.
Одиноко вброд бредут
старые столбы.

Белая Луна.
Аист на водокачке.
Ропот мотора.

Лежу в гамаке.
Падает свет заката
на новый плетень.

Хмурое утро.
Тихо бредут мужики
за самогоном.

Спит деревушка.
Свернулась калачиком
под звёздной бездной.

Перед рассветом
ёж под окном
прошуршал.
Кошке не спится.

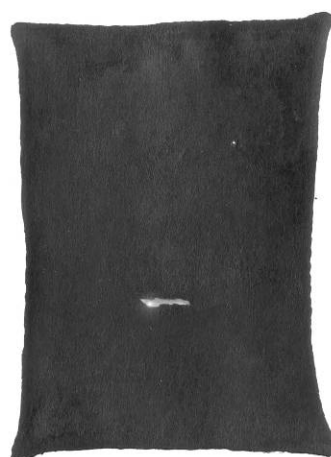

Все гости ушли.
Будто бой барабанный
тихий стук часов.

Трава пожухла.
День середины лета.
А там и зима.

Обветшал мой дом.
Вечер в западной стене
зажѐг фонарик.

Лежу на траве.
Выше меня лишь одно
Лёгкое Небо.

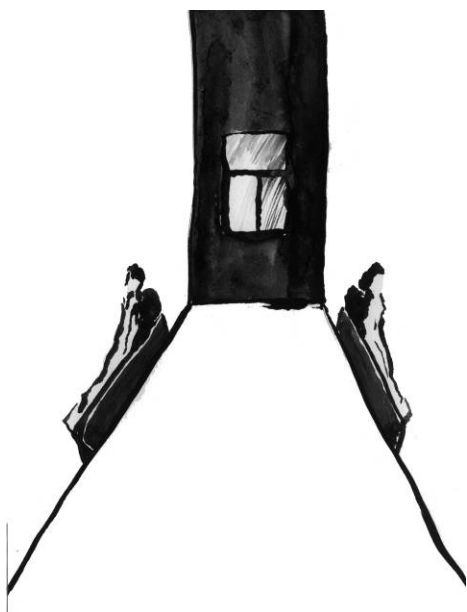

Кошка крадётся,
ловит ночных
мотыльков.
Птицы заснули.

Стирка у реки.
Плеск воды, шорох травы.
И вдруг – женский смех!

Ночные гости.
Судят добро и зло.
А в Небе – Луна!

Сон ожидая,
думаем думы свои.
И шорох дождя!

Все слова мои
слышат только космеи,
головки склонив.

Что-то с ногами:
почуяли дорогу.
А дорога – их.

Чудится в ночи:
тень в окне, иль двери
скрип.
Полнолуние.

Проснулся с мыслью:
скоро кончится лето.
Стал печку топить.

В доме читают –
заняты все лежанки.
Дождь морозящий.

Ветер в берёзах
так громко, протяжно
кричит.
Я тоже молчу.

Жить как Тао Цянь
в этой Южной деревне
кто может в наш век?

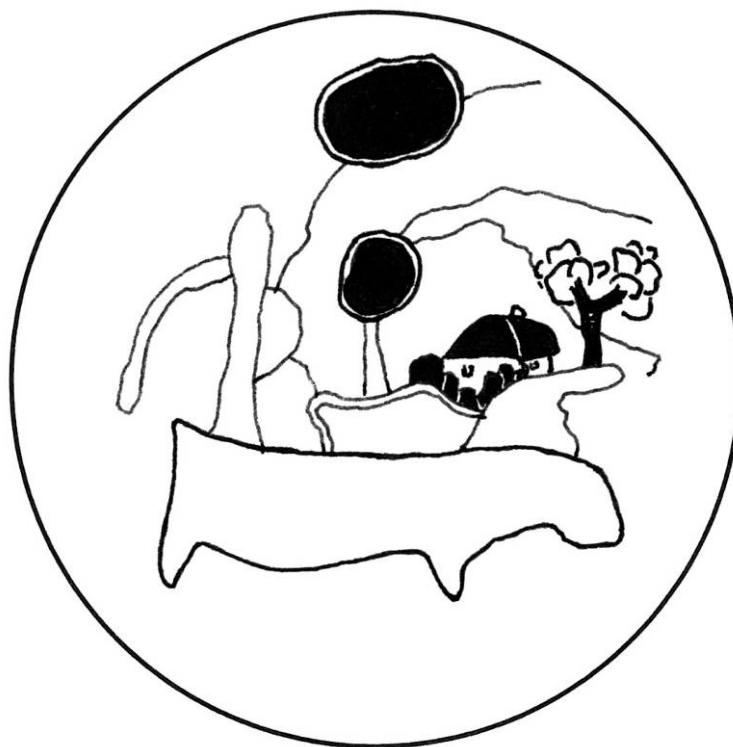

Кто прочтёт тебя,
моё бедное хайку,
когда я умру?

ТОТЕМЫ

деревья	травы	животные	вещи	артефакты
				
берёза	клюква	корова	тропа	дом
				
ива	одуванчик	уж	облако	свеча
				
яблоня	тростник	единорог	скала	лестница
				
сосна	полынь	кошка	песок	окно
				
дуб	ландыш	ворон	ручей	чаша

ТОТЕМ КОРОВЫ

В ночи молочный свет Луны течёт по руслу песчаной
дороги мимо одиноких лугов заливных, залитых
лунной росой, мимо тёмной громады сурового леса.
Туда – к теплу деревни, где свет из окошек падает
прямоугольниками на траву.

Луна заглядывает в окошко.

Человек выглядывает из окошка.

Вифредо Лам пишет картину "Тотем Луны".

Когда солнце ещё не взошло, но свет его заливает полнеба
чистейшей бирюзы и плывёт с молочным туманом над
холодной росой лугов – вот тогда пастух выгоняет
коров.

Изредка щёлкает кнут. Тихо лают собаки.

Белая корова идёт по краю леса.

Когда жёлтое масло зенитного солнца плавится на горячем
песке дороги, через которую перелетают тяжёлые
шмели и летят над цветами лугов, коровы жуют траву.

Спит пастух под кустом. Дремлют собаки.

Когда солнца остывший шар упадёт за тёмную громаду
леса, воздух вечера пахнет сыром. Жёлтая Луна
поднимается. Коровы идут домой.

Изредка щёлкает кнут. Тихо лают собаки.

Дети пьют молоко Луны. Густеет солнечное масло в
маслобойке. Гасят свет. Спят. Мышка ворует кусочек
сыра. На заднем дворе корова вылизывает телёнка.
Через щель в стене на её гладкий бок падает свет Луны.

В ночи уносит ветер над песчаной дорогой запахи и голоса
деревни и дня.

ТОТЕМ БЕРЁЗЫ

Корова, идущая в ночь, вполне может встретить берёзу,
стоящую спать.

Но если не пить поутру, зачем же вставать?
Ведь если прижмёшься щекой к белой коже, можешь
испачкать волосы сединой.
Но даже если заломати – всё равно ведь умирати.

Сквозь строй берёз под бубен барабана, или как тихий
ветер шелестящий.
Или у горного ручья на камне жить.
На камне тротуаров, что для людей полезней, живущих в
камне.
Изваянных, и всё же нежных.

Как розовая кожа берёзы в юности.
Как слабая серёжка берёзы старой, чёрной.

Так обходить дозором рощу по краю чёрному, и в центре
белым светом любоваться.

Вот коровы жуют берёзовые веники.
Вот банные листья плывут в тумане утреннем.

Ну можно ли не выпить? Или нельзя?
Разве дрова горят не достаточно жарко?
На углях горячих готовит шашлык грузин.
Есть ли в Грузии берёзы?
Вот странно: в Китае есть берёзы, и говорят, что сам Мао
Цзе-дун не прочь, как бедный Тютчев.

Что ж — в белый столб берёзового солнца я уйду, но не
сейчас.

Сейчас — напиться!

ТОТЕМ РУЧЬЯ

Кто хочет пить, напьётся из ручья.

Вода целуется взасос.

Ручной ручей так ластится к рукам.

Речь ручья из звонких гласных.

Рунная пена на камнях.

Так может жизнь пройти в мерцаньи камешков на дне
ручья.

Мгновение остановлено в неостановимости течения, и в
бесконечном повторении, и в вечном узоре.

Узор ручья. Тождественность покоя и движения,
мгновения и вечности.

Глоток воды, ручей в тебе.

Окунаешь руку и пальцами шевелишь на том конце
Вселенной.

Глаза закроешь – тонешь в журчании ручья.

Глаза откроешь – тонешь в свете воды.

Из века в век сидящих у ручья встречаю.

Все на одно лицо. Чему-то улыбаются.
Как будто что-то видят, тебя не замечают.
Как будто что-то слышат, тебя не слушают.
Даже у негров лица становятся белыми, должно быть от
бликов на воде.
Все женщины прекрасны, все мужчины мудры.
Одежда светлая, на ногах сандалии.
Бабочки садятся на рукава, змеи проползают будто мимо
камней причудливых.
Все они безумны безумием ручья.
Руками рыбу ловят.

Я слышал, Бог иногда приходит посидеть у ручья. Но это,
наверное, враки.

ТОТЕМ ТРОСТНИКА

Закроешь глаза на людной площади любой из столиц —
услышишь шум тростника.

Откроешь глаза — сколь разнообразны миражи столиц!

Бесчисленные армии с развевающимися знамёнами, со
сверканием металла, с храпом коней безвозвратно
уходят в шум тростника.

Девушки с распущенными волосами, босые уходят в
шорох тростника.

Рыбаки на длинных лодках уходят в тишину тростника.

Только Луна скользит вдоль листьев.

Только вода, чернея, ждёт.

Только ветер перебирает листья.

Склоняясь налево, склоняясь направо, качая метёлками,
купая листья в воде.

В тростниковой хижине сидит человек.
То ли стихи сочиняет в сосредоточении, то ли умер уже.

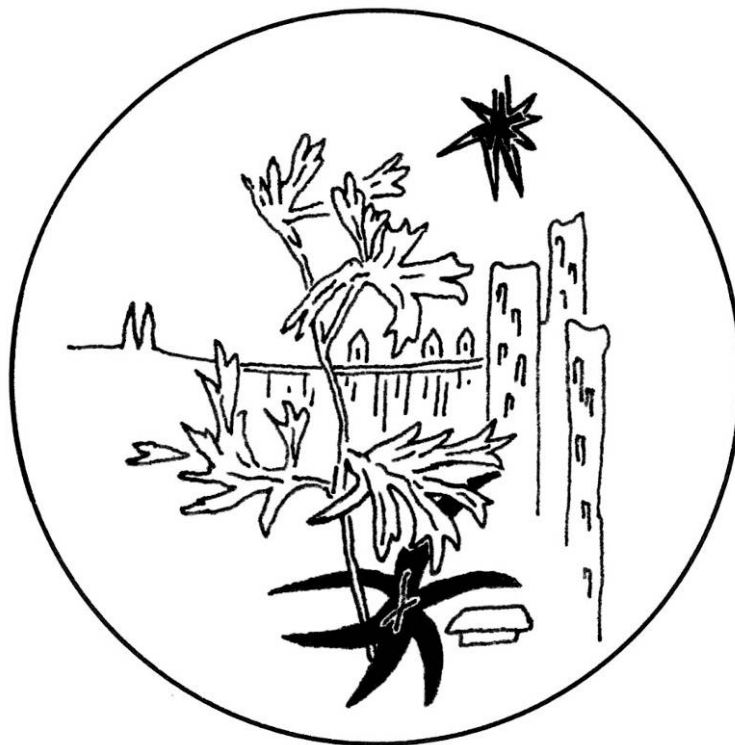
Накинь тростниковый плащ – нищий поэт, бедный
крестьянин, разбойник, браконьер, террорист,
отшельник, мечтатель, мудрец, вор.

На тростниковой циновке любви зачатие неординарных
людей.
Скользящие волосы, чёрные тени, пальцы перебирают.

Склоняясь, качая, купая.

Откроешь, услышишь лишь шум тростника и шорох
ухода.

ТОТЕМ ПОЛЫНИ

Звезда злая – быть может, и не злая, а только горькая.

И если любишь жизнь, то горечь трав её и сладка и приятна.

В далёком пути средь плевелов чужих сорвёшь бездумно лист и разотрёшь меж пальцев.

И дикий запах к жизни повернёт, грудь ветром полна, и солнце уже не злится, а словно полынья на холоде небес.

А если ночь, и в тишине услышишь вдруг запах тонкий, сильный, как лука тетива, то дырки звёзд, растаяв, поплывут.

И вот уже соломой небо крыто и на углу, под потолком в белой марле подвешен шар свежего творога.

Половая трава смешала пыль дорог, и половодье дождей, и запах пламени пожара, и плёса тишину.

Меж пеплом прошлого и пеленой грядущего пелёсой
плесенью расплёсканная жизнь.

Тонка, горька.

В полоне времени людские племена проходят в пустоте
тенью по лучу, по следу полынного степного ветра-
волка.

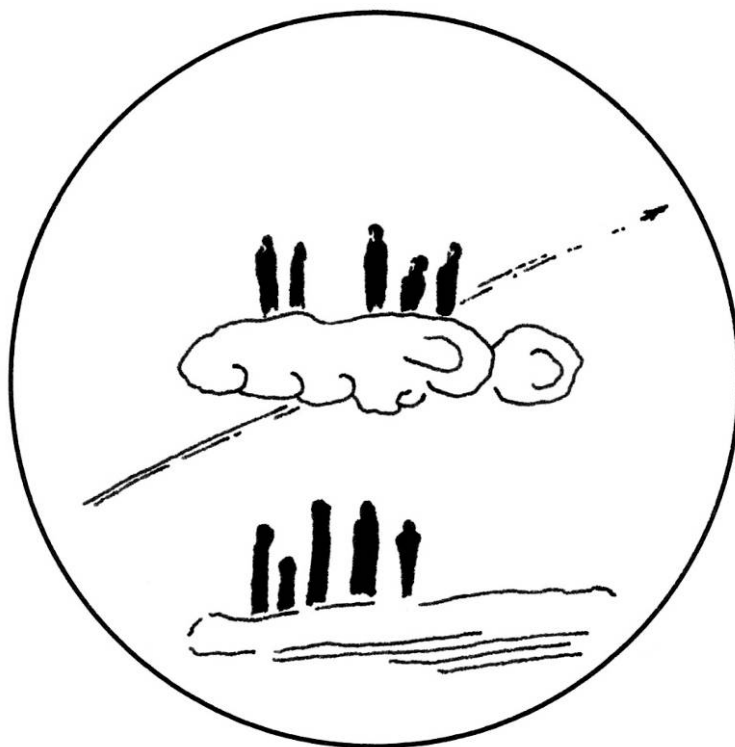
Из полыньи в полымя — это полынь.

Я слышал, что сушёная она от мух неплохо помогает, а
может быть, от комаров.

Бывает также, что руки твои полыньёю пахнут, и волосы, и
губы, и голос, и глаза.

И горько, и тянет, и пьянит полынной водкой.

ТОТЕМ ОБЛАКА

Лежащий в центре травяного луга, как в центре мира, вращающегося с дикой высоты.

Облако – для него.

Сидящий в центре каменного шестигранника, поджав ноги, закрыв глаза и отсутствуя.

Облако – для него.

Естествоиспытатели, которыми мы все теперь стали, в железных бочках по небу летают, но обнаруживают только водяную пыль. Кто может жить в подобной сырости?

В грёзах лежащего на травяном лугу и сидящего в каменном шестиграннике всё происходит наоборот. Облака опускаются на землю, слегка пружиня. Бессмертные и боги сходят с них, разминая затекшие ноги.

Естествоиспытатели называют их инопланетянами, а облака – летающими тарелками. Не путать с водяной пылью!

Но маленького мальчика, остановившегося у края луга, мучает один вопрос. Облако, появившееся в полдень, к вечеру уже растаяло. Недолго же живут бессмертные и боги!

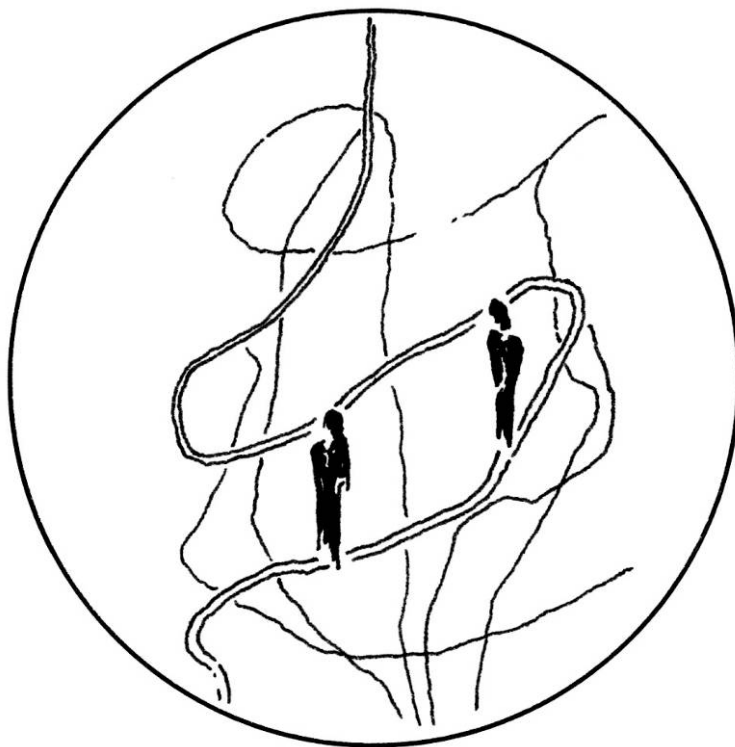
Хотя старик, опёршийся на палку у края луга, с улыбкой грустной наблюдает, как по небу плывёт маленькое облако из детства.

А в шестиграннике и вовсе нет времени. Но только сидящий там не путает ли облако с чем-то несуществующим?

В праздник летнего безветрия люди облака весёлой гурьбою выходят на берег реки и смотрят, как облака плывут по воде.

Потом купаются.

ТОТЕМ ТРОПЫ

Тропа есть троп для линии жизни на ладони Земли. Или линии смерти. Или линии любви.

На перекрёстке троп гадать, куда пойти. На водопой? Домой? Или в неизвестность?

Идущий по тропе одинок. Здесь можно встретить лишь существ иных миров. Тропа узка – не разойтись, не перекинувшись парой слов.

- В твоём мире ещё не вечер?
- Нет, но скоро стемнеет. Через две или три тысячи лет.
- У вас тоже идёт дождь?
- Разве он не всегда идёт?
- Ты часто гуляешь по этой тропе?
- В моём мире гуляют не люди, а тропы.

Брести в тишине, перешагивая через корень дерева, пригибаясь под веткой дерева, обходя камни и лужи.

Каждый миг ожидая смерти, или жизни, или любви.

Выйти на дорогу и удивиться современности.

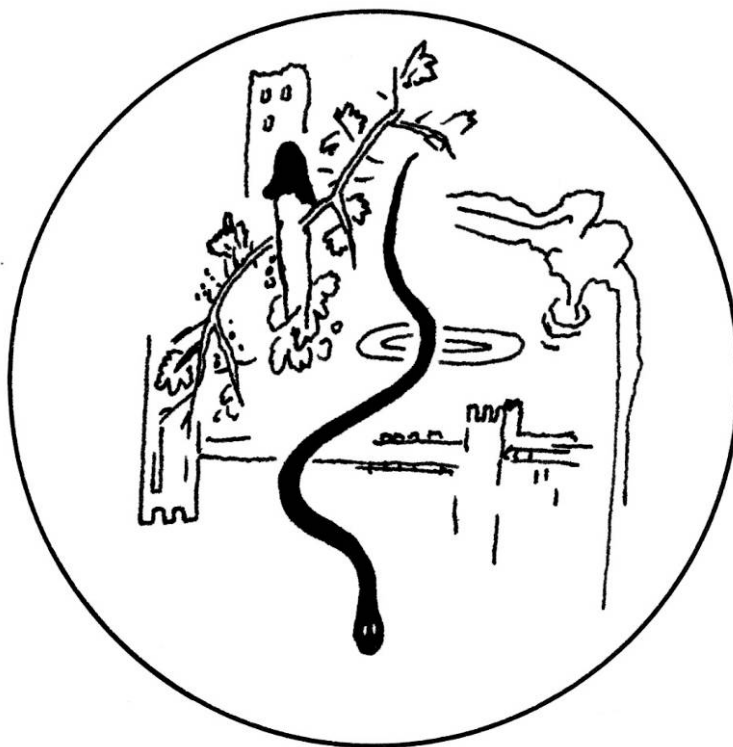
Потом снова свернуть на тропу.

Поворачивать налево, поворачивать направо, петлять,
кружить, удаляться, приближаться.

В каждой секунде времени люди троп образуют узор на
ладони Земли. Тик-так – калейдоскоп.

Ничего, что устали ноги. Разве тропа не сама плывёт под
ногами. Немного покачивается. Срежь трость – будет
легче.

ТОТЕМ УЖА

В ежевичных кустах если встретишь ужа, не пугайся!
Уж не кусается.

Людей ужа часто не любят, а мне их жалко.
В сущности, они добрые.

Я знал одну женщину-ужа: она пахла змеей, её ладони
были прохладны, талия гибка, а язык раздвоен.
Жизнь её сложилась не складно, и в своём ужином гнезде
она плакала, когда никто не видел.
А когда видел, она шипела.
Но могла быть нежной и чуткой, своими извивами
принимая форму собеседника.

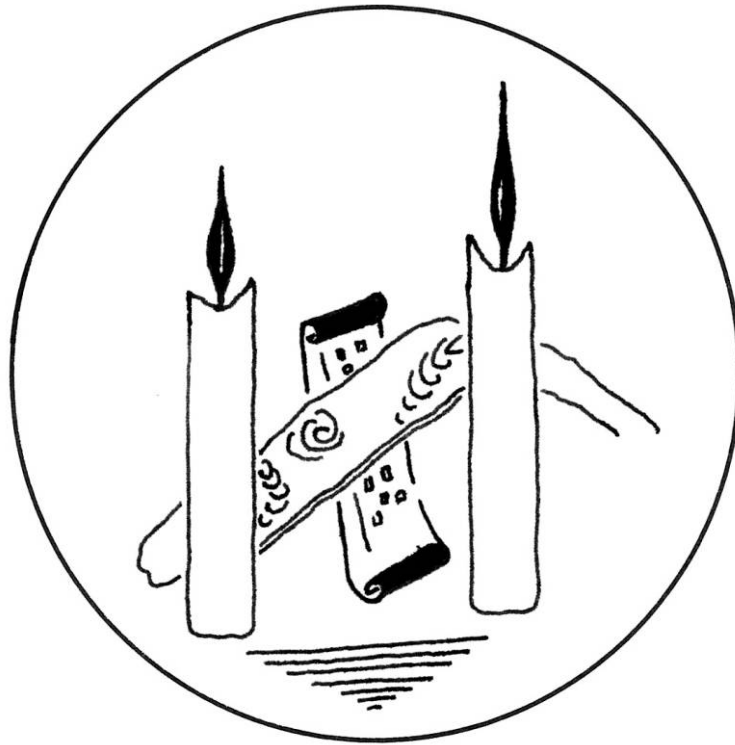
Говорят, если есть мудрость, должен быть и яд. Но уж —
исключение.
Просто люди в него не верят.
Они всех без разбору побивают камнями.

Можно ли двигаться в мире, не задевая стебли трав,
оберегая покой цветов, и не извиваться?

Отпугивающий духов болезней.
Слышащий шёпот богов.
Во сне и грёзе летящий в небе.
Замыкающий Вечность.
Обвивающий Пространство.
Подобный Великой китайской стене.
Чюрлёнис пишет картину "Соната Ужа".

Ещё их боятся комары и мыши.
Но ты не бойся ужа в ежевичных кустах.
Видишь знак ужа – две жёлтых "просвирки" на голове?

ТОТЕМ СВЕЧИ

Возвращаясь, всегда зажигаешь свечу.

Чтоб с четырёх углов свисала темнота, истаивая по кругу
света.

Чтоб души стали мотыльками.

Воск времени и плавился, и капал, и застывал.

Мерцание и дрожь центра мира необходимы для
сосредоточенья.

И для шуршания пергамента.

И завитки.

И тёплое вино густого цвета.

И чтобы было непонятно: то ли светло — то ли темно.

И чая чёрного бодрящий яд и эликсир бессмертия.

Известно: свечи зажигают в особые моменты жизни:
гадание, свидание, венчание, на рождество, на

похороны, на размышление, на чтение стихов, на тихий плач души, на просветление сердца.

А также: для баловства.

А раньше, поскольку электричество ещё не полюбили, их зажигали для освещения.

И делали подсвечники похожие на утварь ритуальную.

И трудно было разобрать, где праздники, где будни, что важно, что не важно.

А если нет свечи, себя можно зажечь.

И люди будут говорить: смотрите — он горит, но, знаете ли, как-то неярко, мерцая и дрожа.

ТОТЕМ ЕДИНОРОГА

Единорогов, как известно, не бывает.

Поэтому встречающие их немного не того, и больше думают о спасении мира, чем о заботах повседневных.

Животное это, хотя и крупных габаритов, проворно очень.

И появляясь из тумана на лугу, или под облаком над лугом проплывая, дав себя увидеть, быстро исчезает.

Подобно утренней росе, и солнечному лучу, и молнии, и грому, и ветру.

Хотя единороги похожи на коров, никто не видел, чтобы они в стада сбивались.

Увидеть можно только одного.

Науке даже неизвестно их число.

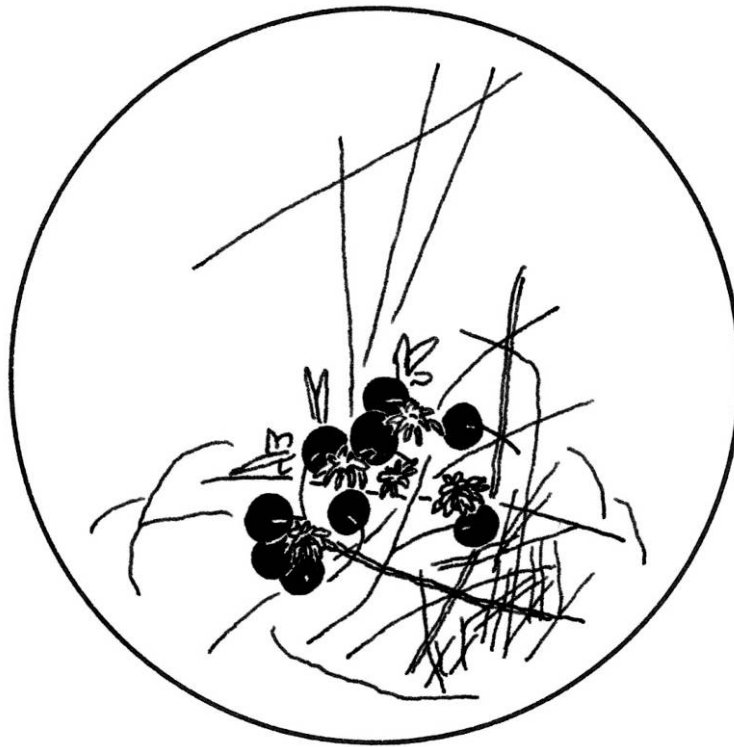
Быть может, есть лишь один единорог, который
появляется то тут, то там, а то надолго исчезает из
времени, которое ему не нравится.
Индийцы, правда, на всякий случай чтут всех коров.
Но это чересчур.

Вот так увидишь единорога, и больше уж не отвертеться.

Какой бы ноша тяжёлой ни казалась, приходится нести.
Какой бы цель недостижимой ни была, идёшь к ней.
Какой бы высота чрезмерной ни представлялась в этом
мире, уже не можешь спуститься вниз.

Поэтому-то люди стараются держаться подальше от
единорога.
Они о нём мечтают в основном.

ТОТЕМ КЛЮКВЫ

На золоте, и серебре, и малахите, и яшме августовского болота забавно голову пониже опустить, и над подушкой мха увидеть развесистое ожерелье красной клюквы, плывущей с белым облаком по небу светло-голубому.

Все бабушки своих внучат уводят в август клюкву собирать.

Поэтому здесь столько мягких кочек с узором бело-красным, с оборкой голубого мха и поясом мха изумрудного.

Поэтому здесь столько весёлых бусинок и взглядов ласковых, и тонких нитей, и проворных пальцев.

Взрослея, пьём мы клюквенную водку, истекаем клюквенным соком, клюковины прилежно мастерим.

Но так и хочется заглянуть под кровать – нет ли там на газете рассыпанных бело-красных дозревающих шариков?

Нет, только пыль и потерянная в прошлом году запонка.

Можно пойти в магазин и купить клюквенное варенье, и разочароваться.

Люди клюквы друг друга узнают по глазам, немножко круглым и блестящим, как будто от удивления.

Ещё по мягкости подушечек пальцев, по тонкости волос.

Ещё по чистоте неба над их головами.

И по старым фотографиям бабушек.

ТОТЕМ ИВЫ

На околицах китайских деревень горы веток ивы.

Их обламывали в знак разлуки.

В других местах такого обычая нет.

А если бы был, горы веток были бы не меньше.

Ива плачет по берегам рек и озёр. Реки и озёра не пересыхают.

Рыбак собирает сухой ивняк, зажигает костёр и смотрит на звёзды.

В пустой корзинке из ивовых веток хранится веер воспоминаний.

Ивовый прутик дрожит в руке маленького погонщика.

Художник пишет кистью листья ивы. Кисть похожа на лист ивы.

Читатель картины вздыхает случайным воспоминаниям.

Ветер в ветвях ивы печальнее с каждым тысячелетием.

Вы видели ветер в ветвях ивы?

Президенты и премьер-министры ничего не могут с этим поделать.

В свободное от работы время они ничем не отличаются от одинокого рыбака и маленького погонщика.

Женщины оборачиваются и ветер трогает их волосы.

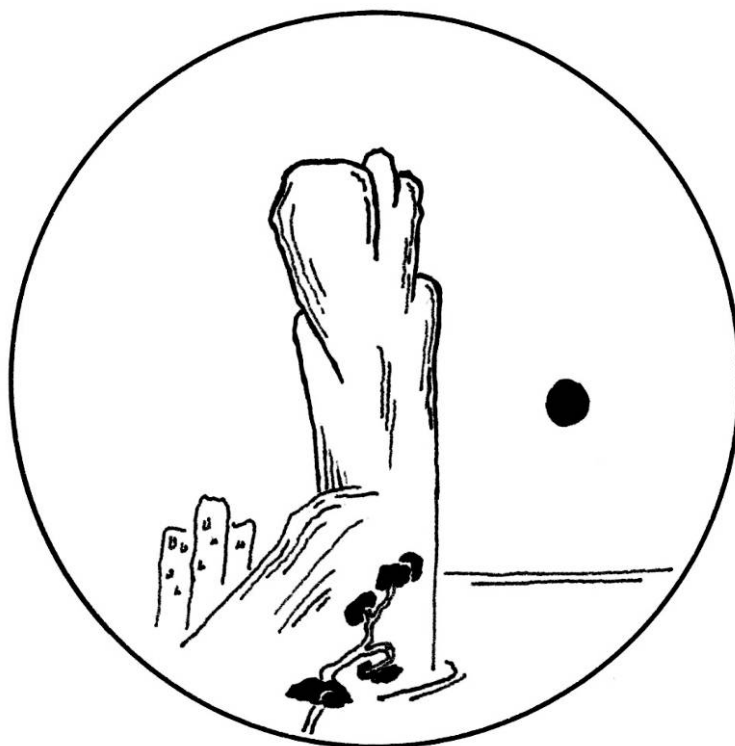
А потом улетает к берегу и кружит в ветвях ивы.

Мужчины уходят и дороги всё длиннее с каждым тысячелетием.

У разлуки столько лиц, сколько людей.

Вглядитесь – вы видите ветер в ветвях ивы?

ТОТЕМ СКАЛЫ

Что бы ни было в жизни твоей: хорошее и плохое, радость и горе, полёт и падение, разноцветье и серость, пустота и мусор, рождение и смерть, – поднимись на скалу.

Травы сухие шуршащие в трещинах камня.
Каменных плеч нежная кожа.
Кожица ветра ползущего.
Неба скорлупки, шерстинки земли.
Редкий цветок.

На вершине скалы струйка вечности маленьким смерчем,
не иссякая, наполняет мгновение.
Жизнь замерцает как на экране немого кино.

Робкие боги придут.
Сняв сандалии, сядут на камни, растирая уставшие ноги.
Богини друг другу расчешут волосы.
Исчезнут, вспугнутые крылышками бабочки, залетевшей случайно с нижнего луга.
Парящий орёл одобрительно крикнет.

Покажется: не хватает лишь пары мгновений, чтобы
понять.

Но придётся спуститься вниз.

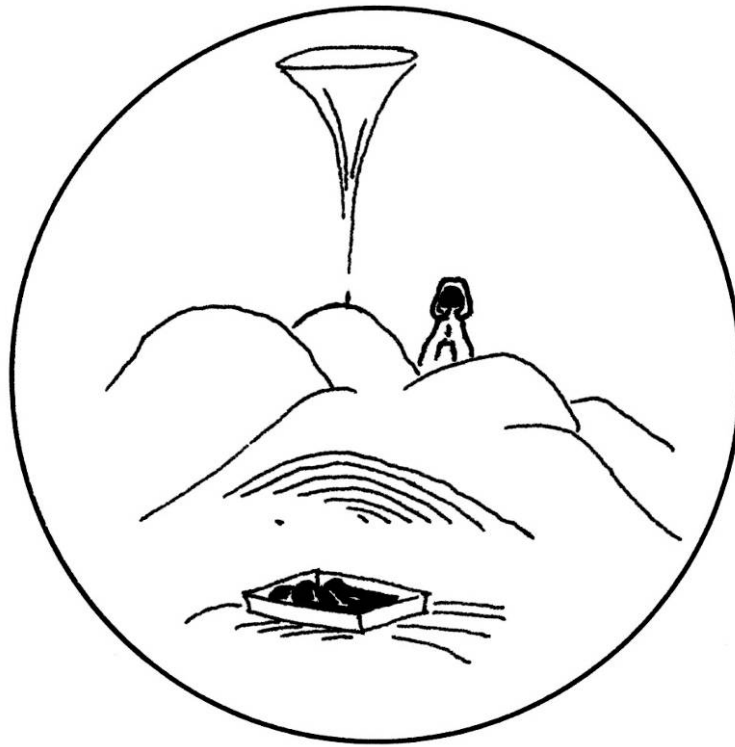
Внизу ждёт уже ужин у костра, и горячий чай, и люди
твои.

Не жалею о прекрасном невозможном. Для скалы есть свои
законы.

Обречённая на одиночество, она хранит его для
поднимающегося и дарит на время. А потом забирает
обратно, чтобы ты тосковал.

Чтобы душа твоя знала, где ей отдохнуть от тебя, хотя бы
пока ты спишь и снится тебе скала.

TOTEM ПЕСКА

Песок – это время древнее, в отличии от старого времени, которое есть вода, и нового времени, которое есть воздух.

Но время во все времена было звёздами.
Поэтому песчинок в море – что звёзд в небе.

Песок есть прах камня, и всякой твердыни, и всякой крепости.
Нет прочнее фундамента для воздушных замков.

По песку пустыни бредёт караван человечества.
Речной песок внимает молчанию мудрецов.

Но ещё не стали песчаными дюнами пирамиды Египта.
Но ещё не стала песчаной змеей Стена Цинь-ши-Хуана.
Ещё не все колодцы засыпаны песком.

Будущие Вишну и Шива учатся создавать и разрушать миры в дворовых песочницах.

Песок соединяет миры: пространства и времена.
В этом он подобен пустоте.
И столь же прозрачен – не даром из него делают стекло.

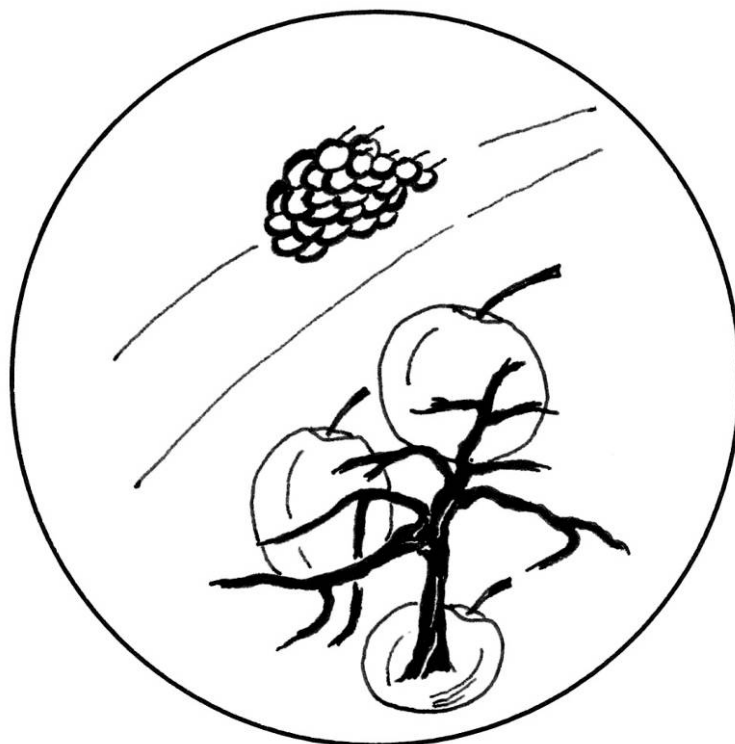
В прозрачности песка песчаные миры просвечивают друг в друге.
Миры, что канули в песках зыбучих.
В улыбке Будды.

Песка струящегося шёпот – медлительный ответ на все вопросы.

Бессонно Сфинксы слушают его.

И погружаются.

ТОТЕМ ЯБЛОНИ

Если вишня – это дерево утончённого просветления, и
немного на небе, то яблоня на земле, дерево светлой
печали.

Поэтому и говорят: белых яблонь дым.

Дым деревень, что расстилается по долинам времени, не
так уж и горек, если смешан с яблоневым.

У путника уже не слезятся глаза, когда входит он в
яблоневый сад.

Ведь дети не плачут от радости, они смеются.

Катятся по столу круглые яблоки.

Лови их.

В каждой секунде мамы всех времён и народов
вываливают на стол груды красных яблок.

Они катятся, а дети их ловят.

Вкус жизни не так уж и горек, ведь яблоко сладкое!

Садовник стар и бессмертен.

Когда умрёт, над его могилой может ведь вырасти
яблоневое дерево?

Достаточно маленькой косточки, затерявшейся в складках
одежды.

Тираны всех времён и народов любили обсаживать
яблонями линейки проспектов и окружности площадей.

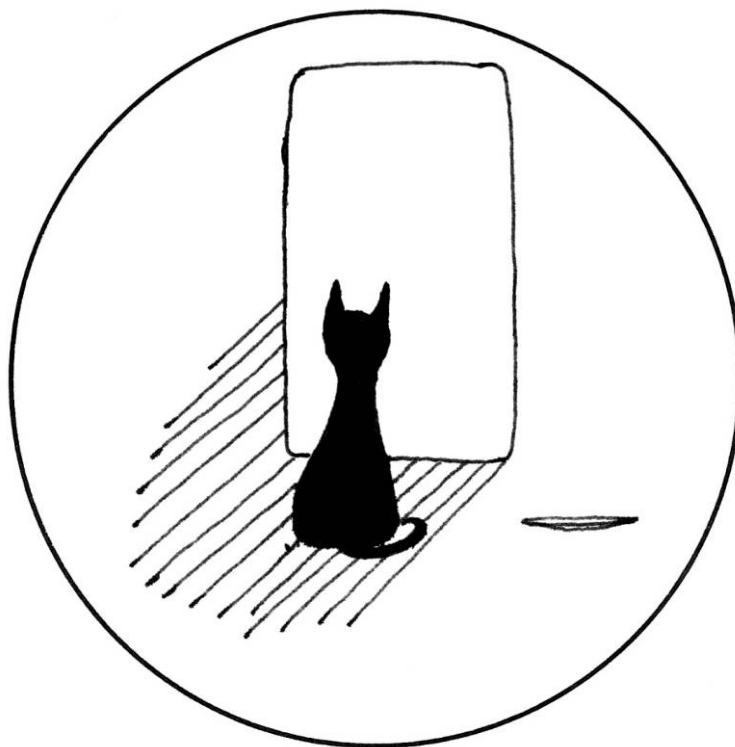
Свет дневной, проходя через яблоневый цвет, как бы
сглаживал и смягчал, даже, может быть, освящал.

И люди могли жить, хотя яблоки городов горше диких.

Мы будем есть яблочный пирог и пить яблочный сидр.

Пока годы сменяют годы и века осыпаются яблоневыми
лепестками.

ТОТЕМ КОШКИ

Старше египетских пирамид едва прозревший котёнок.

Его богоподобная мама неподвижно застыла на подоконнике.

Смотрит в окно на метель-самум.

Котёнок играет своим хвостом, подражая тёмным богам, нарисованным ясными линиями на светлой глине.

Когда-то — когда ещё юной вечность была, а юность хотела стать вечной.

Боги умерли, пирамиды разграблены, мумии не оживают.

Все домашние животные приносят людям пользу.

Корова даёт молоко, курица яйца несёт, лошадь тянет телегу, собака дом сторожит.

Только кошка неподвижно застыла на подоконнике и смотрит в окно на метель-самум.

Ритуальная поза. Вертикали зрачков.

Маленькая вестница мёртвых богов у ноги человека на
пути его.

Что в душе моей ты охраняешь?

Эта ласка и грация, мягкость и голос.

Что должен помнить я?

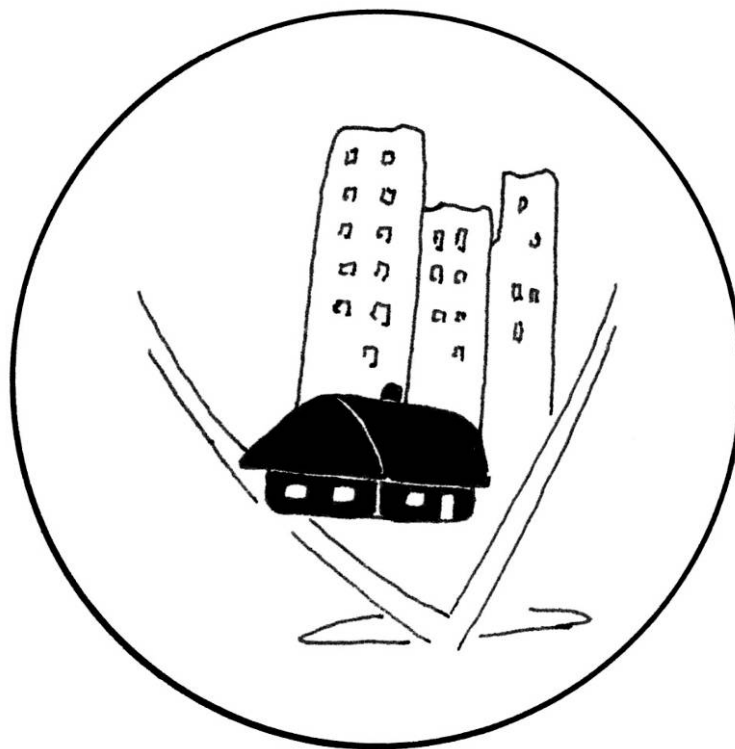
У нас теперь новые светлые боги, твоей темноты мы
страшимся.

Что ты просишь меня? Молока на блюде? И всего-то?

А вот и котёнок. Ну, пейте.

А я посижу неподвижно, погляжу в окно на метель-самум.

ТОТЕМ ДОМА

Не строй дома своего, чтобы сердцу не причинить печаль.

Поначалу он будет новым и чудным, необычным и близким.

От радости строительства руки твои станут чуткими и сильными.

В глазах появится свет.

Уши будто слышат чудесную музыку.

Любимые вещи наполнят твой дом.

Близкие люди поселятся в нём.

Дальние люди пройдут чередой весёлых и умных гостей.

Годы пройдут.

И как-нибудь сядешь в углу в одиночестве, и стеснится грудь.

Привидения вещей, людей и событий войдут в окна и двери, просочатся сквозь щели, заполнят пространство.

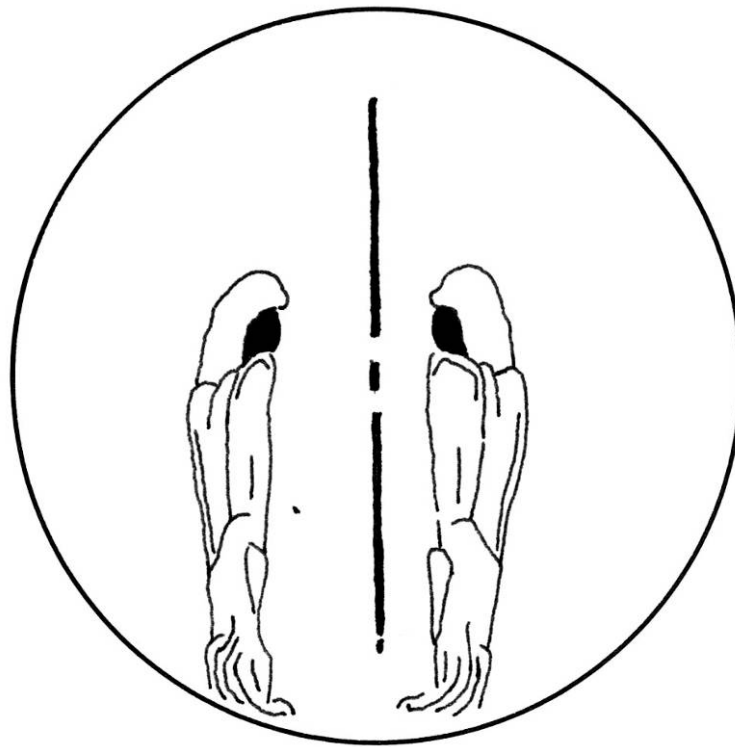
И воздух не сможет двигаться.

Стены заговорят разными голосами.
Заскрипят половицы от сотен шагов.
Тени улягутся на все кровати, усядутся на стулья и лавки
вокруг стола.
Запахи всех времён года смешаются так, что тебе не
вдохнуть и не выдохнуть.

Ты захочешь обратно в пустоту и свободу, но окажется:
сердце твоё приросло к стенам дома, и балкам его, и
стропилам.
Ясно увидишь: ты умер, а дом, что впитал без остатка
тебя, новым хозяевам кажется новым и чудным,
необычным и близким.
Ты крикнешь всем, что у тебя осталось кричащего, но тебя
не услышат. И мудрому твоему предостережению не
внемлют.

Они войдут внутрь дома твоего и скажут:
"Это сквозняк. Нужно законопатить щели."

TOTEM ОКНА

Посреди пустыни без стен и крыши висит окно.

Посмотришь в него – увидишь пустыню.

Обойдёшь и заглянешь с другой стороны – увидишь пустыню.

Все окна мира – не то же ли самое?

Только обход занимает немного больше шагов.

Посмотришь с одной стороны – как будто комната.

Посмотришь с другой стороны – как будто улица.

Если б вдруг оказаться сразу с двух сторон – что увидишь?

Окно в пустыне каждый день протирает тряпочкой молчаливый отшельник.

Он живёт в пещере на западе.

А другие говорят: он живёт на востоке.

А ещё говорят: их двое – на западе и на востоке, работают посменно и каждый протирает тряпочкой свою сторону окна.

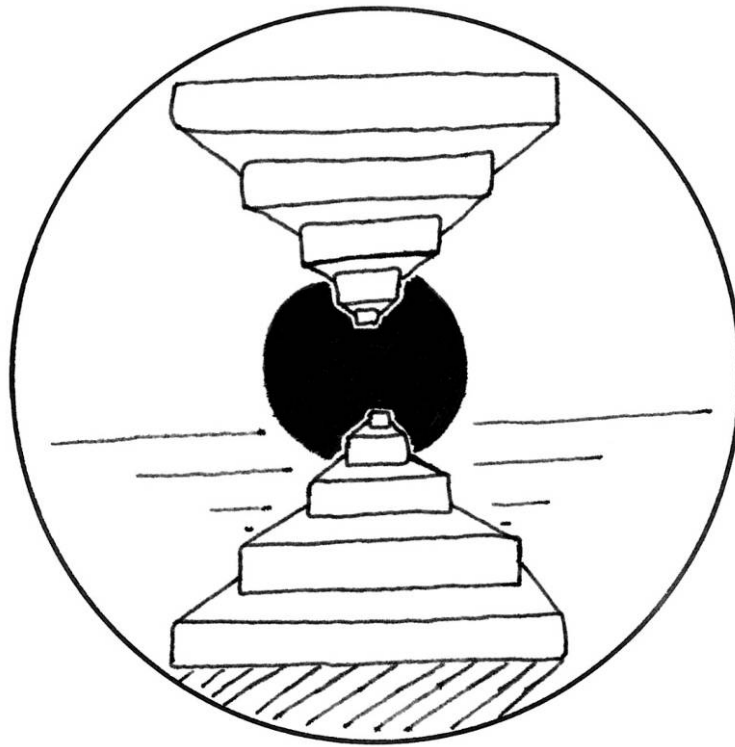
Никогда не встречаются.

Солнечный луч прожигает в песке прямоугольник.
Лунный луч замораживает в песке прямоугольник.
Дождь льётся струями по стеклу.
Иней рисует узоры.

Раз в году приходят паломники и смотрят в окно.
Паломник с востока видит паломника с запада.
Паломник с запада видит паломника с востока.

Говорят, наступит день — упадёт небесный камень и
разобьёт окно.
Тогда ветер смешает все запахи мира.
И краски.
И звуки.

ТОТЕМ ЛЕСТНИЦЫ

Лестница – чтобы подниматься в небо.

Лестница – чтобы спускаться в бездну.

Лестница – это время, размеченное ступенями годов.

Ступени стёрты миллионами подошв.

По винтовой лестнице поднимаются звонарь на колокольню, муэдзин на минарет и часовой на вышку.

По парадной лестнице спускаются король к своим подданным, президент к налогоплательщикам и Папа Римский к католикам.

Смешит меня верёвочная лестница.

Раньше по ней поднимались влюблённые к своим возлюбленным.

А теперь полицейские или преступники – в зависимости от сценария – карабкаются к вертолёту.

Давно уж разрушена лестница, по которой боги спускались на землю.

Не по лестнице ли поднимались люди на Вавилонскую башню?

Не были ли стены её лишь ограждением дерзкой лестницы?

А кто-то спускается в мрачное подземелье и фонарём освещает страшные осклизлые ступени.

А кто-то упорно стремится к вершине и вырубает ступени во льду.

Лестница – вестница. Звонок в дверь. Кто это?

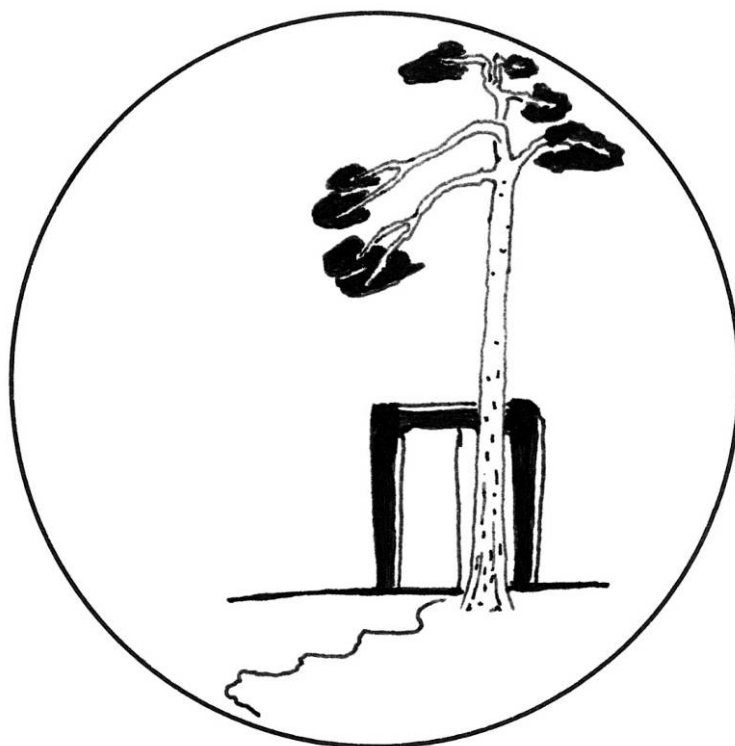
Даже последний свой путь человек начинает с лестницы.

Когда гроб спускают с этажа на этаж, с трудом разворачивая на лестничных площадках.

Есть ли в Вечности лестница, свёрнутая в ленту Мёбиуса?

Мы встретимся на ней лицом к лицу.

ТОТЕМ СОСНЫ

Сосна заснеженная у ворот монастыря.

Стой и смотри.

Если не думать, многое поймёшь.

Стой у ворот монастыря.

Смотри на заснеженную сосну.

О многом думается.

О небе, что полёт сосны встречает.

О седом песке, что хоронит корни сосны.

О солнечных лучах в оранжевой коре высокой.

О детских корабликах, вырезанных перочинным ножиком
из тёмной нижней коры.

О мачтах океанских кораблей.

О жертвенном костре и пламени священном.

О пути благородных мужей, подобном сосне
прямоствольной.

О полёте драконов, подобном изгибу сосновых ветвей.

Об иероглифе сосны на круглом диске полной Луны.

О звёздах в иглах.

Не спрашивай, какой сей монастырь?
Каким богам монахи службу служат?
Не спрашивай.

Стой у ворот.
Смотри на заснеженную сосну.
На иглы длинные. На снег. На пустоту.
Ворота и сосна.
Тропа.
И дальний гонг.
И нет тебя.

ТОТЕМ ОДУВАНЧИКА

Даже сильный ветер не может обдуть одуванчик.

Но если ребёнок его поднесёт ко рту, снежинки-дышинки
взлетят и тогда уж, подхвачены ветром, к небу летят.

Вот почему зимою не мёрзнет земля — она укрыта от
холода детским дыханием.

А когда весна проплачет своё, на зелёных лужайках вновь
поднимаются бледные стебли.

Светло становится от жёлтых головок.

И солнце желтеет к лету.

Головки белеют и ждут полёта.

И дети приходят.

"Вино из одуванчиков" — так назвал детство Рэй Брэдбери.
Станислав Лем назвал его "Высокий замок".

Должны же ведь где-то жить снежинки-дышинки, когда
улетают в небо.

Как назовёшь его ты?
Может быть, "Одуванчиковый ветер"?
Или "Сугробы из одуванчиков"?

Только не называй его "Лысый одуванчик", или
"Газонокосилка для одуванчиков".
Это смешно, но нечестно.

Вот доживёшь до старости и сам станешь как одуванчик.

Чего будешь ждать тогда: Газонокосилки или Божьего
дыхания?

ТОТЕМ ДУБА

Я высохший дуб уподоблю чудесному камню,
причудливой силой ветров и воды превращённому в
дуб.

Слетались века и садились на голые ветви, и там щебетали
о времени вечной душе.

Но дамы прелестные и блестящие кавалеры,
вальсирующие по зеркальному паркету бальных залов,
не думают о мрачном и тяжёлом.

Об этом думает разбойник, что диким свистом
останавливает путника.

Об этом думает учёный седоусый, склонившийся над
хитрым фолиантом.

А также мастер, что в воде речной мостов устои твёрдо
укрепляет.

Титан, рождённый сырой землёй, коряв, и тёмн, и силён.
И одинок, как одиноки все титаны.

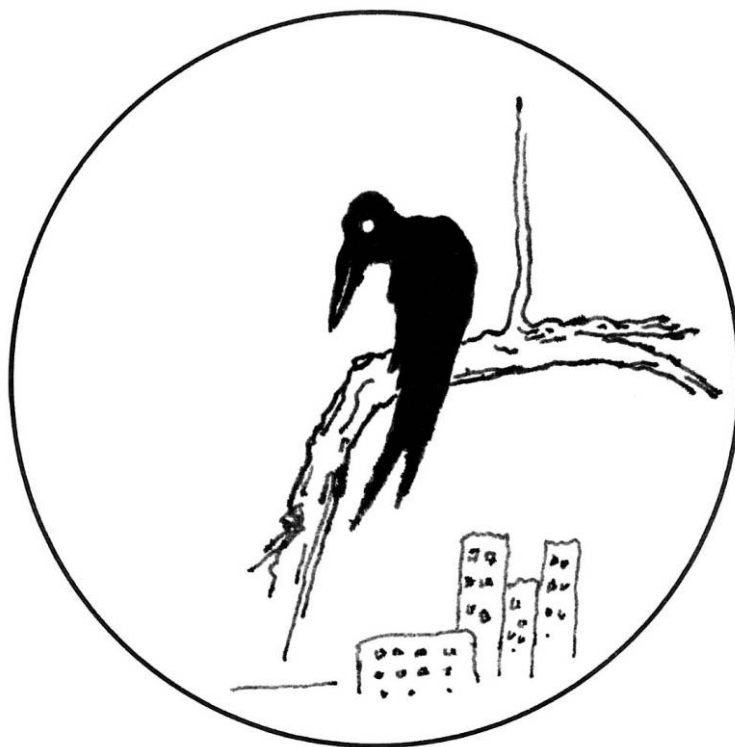
По краю рощи рамень чёрною зовётся потому.

Родится из яйца — ведь жёлудь на яйцо похож — как
птица.

Дуб-мальчик — непокорен и упрям.
Дуб-юноша о подвигах мечтает.
Дуб-богатырь — разбойник благородный.
Дуб-старец — знахарь и колдун.

Считается, что дуб немного туп.
Не потому ль, что тупится топор?

TOTEM ВОРОНА

Не ты ли прокричал "O, nevermore!"?

Не ты ль кружил, добычи добиваясь?

Не ты ль носил с востока солнце в клюве?

В твоём зрачке змеились огонь и мрак.

По лугу росному промчались вороны.

Поручик гладит воронёный ствол.

В воронку чёрную уходит смерчем время.

Кто нам наворожил судьбу такую?

Кто врал про свет?

Кто стал врагом?

Кто врачевать сумеет раны?

На подоконнике сидит ворона.

Птица эта собою неприметна, но из того же рода, что
великие.

И знаменита лишь наглостью и воровством.

Не мудрый ворон – вороньё осело в городах.

Чуть не из рук хлеб вырывают.

В Японии напали на людей.

Бросаются на самолёты.

Чужие гнёзда разоряют.

Кричат как на базаре.

Гадят всюду.

Стал белою вороной чёрный ворон.

ТОТЕМ ЧАШИ

С ключевою водою подносят старинный ковш, держа на ладонях резные хвост и голову сказочной птицы.

Вода плескается через край.

Птица в небо взлетит и Северный Ковш опрокинет на Млечный Путь.

Будут волны речные биться о борт расписной ладьи.

Через тысячу лет возвратится лёгким чёлном, бегущим под звёздною Чашей южной Небесной Реки.

И тогда поплывёт по трепетным волнам рук полная чаша зелена вина от уст к устам.

Но прежде чем чаша весов склонится,
нам придётся испить до дна чашу горькую,
тереполнится чаша терпения,
и смертную чашу к устам поднесём,
чтобы к жизни другой возродиться.

Птицей.

Я не знаю, чьи чары ведут нас по этому кругу.
Полушарие чаши – опрокинутый череп неба.
Ковш-ковчег: бьются волны снаружи,
играет вино изнутри.

Я сижу по-китайски за чашкою чая.
Не за "a cup of tea": наш Китай – это Север.
А чай – это кровь.

За окном в расписных облаках – реактивная чаша Грааля.

ТОТЕМ ЛАНДЫША

Ладья Луны над лесною поляной зависла.

Из тёмных уголков по тропам топот, и шелест крыльев, и шорох трав, и лепет листьев.

Вот лысый Лось выходит из тени в сопровождении седого Лиса, беседуя на языке славян.

Вот Лебедь белая и белый Лунь друг с другом спорят на латыни.

Нечистый-Леман с ведьмою-Лаумой готовят ледяное ложе.

В лещине Леший суетится, лишайниками украшая ветви и стволы деревьев.

С Луны спускаются латунные лучи.
Держась за них легко слетает Лель.

Замолкло всё, в весенней тишине полился звон лилейных
колокольчиков.

Трепещет Ландыш – Ухо Лани.

И над поляной разливается его любовный яд.
Он ищет сердце, чтобы к нему прильнуть.

В дрожащем лоне майской ночи летучих духов вихрь
лепит пленительную плоть: её ладони, локти, плечи,
лицо, ланиты, локоны, глаза.

На ландышевый луг, залитый лунным светом, как
колдовское наваждение выходит воплощение Лилит.

КОЛЬЦЕВАЯ ЛИНИЯ

Поднимаясь по эскалатору станции метро, я думаю о работе, семейных неурядицах, деньгах, политических беспорядках, любимом человеке, предстоящем ремонте, глупости и мудрости людей, больном зубе, общем устройстве вселенной, или не думаю ни о чём. Независимо от этого, фон сознания бесстрастно фиксирует лица людей, плывущих вниз по встречному эскалатору. Мой взгляд скользит по лицам и встречается с взглядами людей, уходит в другие миры и возвращается обратно. Этот фоновый поток разделяет мои суетные мысли и то, что в глубине. В глубине возникают и мгновенно исчезают образы, оставаясь вечными. Будто кто-то иной создаёт и уничтожает их в моей глубине. Неизвестно по какой причине и с какой целью. Как месяцы года сменяют друг друга, безучастные к жизни и смерти человека.

То, что Вы здесь прочтёте, это не совсем стихи. Даже совсем не стихи.

То, что Вы здесь прочтёте, это не совсем проза. Даже совсем не проза.

Я назвал этот жанр *метрополитанка*. Сокращённо – *метанка*. Это значит – "*танка, сочинённая в метро*".

Вообще-то, танки полагается сочинять где-нибудь на природе: на склонах гор, среди луговых трав, у берега реки.

Поэтому танка, сочинённая в метро, даже по форме совсем не похожа на классическую японскую танку.

Это что-то вроде записи мимолётного впечатления, то есть того, из чего рождается танка.

Поэтому название *метанка* можно ещё расшифровать как *метатанка*.

**Январь: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Новослободская"**

В метро ни звука.
Мелькают станции.

Подобно коленцам
чёрного бамбука.

Подобно коленям
девушек в чёрном.

Что входят на станции,
выходят на станции.

Неостановимо.

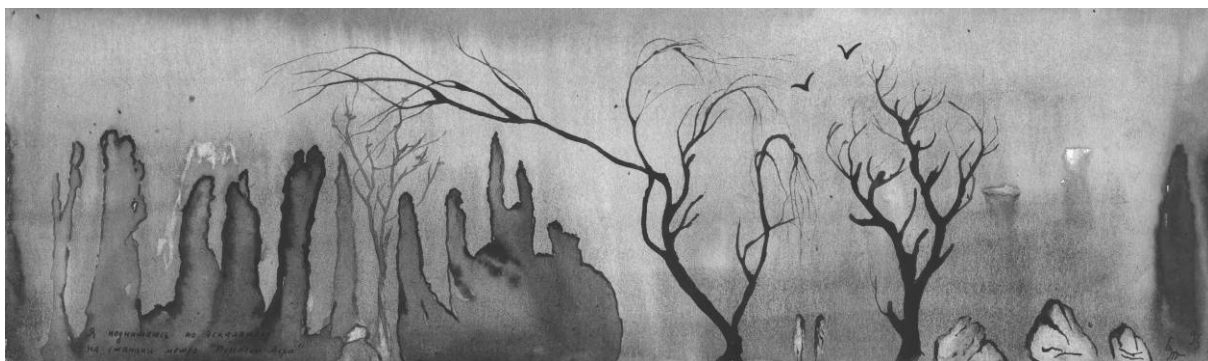
Пока ты сидишь
и взрослеешь, стареешь, дряхлеешь.

Уже и не ты, а другой,
и третий и -надцатый.

Подобно коленцам
чёрного бамбука.

Неостановимо.

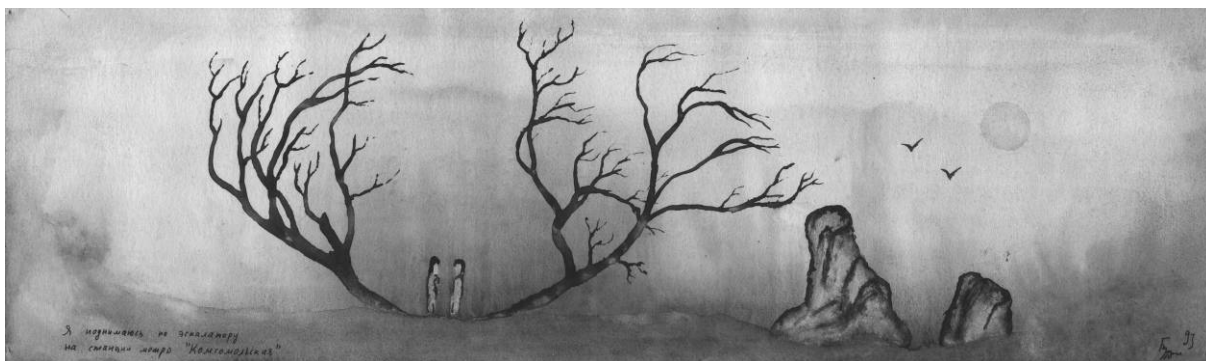
**Февраль: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Проспект Мира"**

Волосы цвета спелой листвы.
Губы цвета опавших лепестков.
Глаза закрыты, но будто смотрят в небо.
Из-под наушников свисают серёжки
как две маленькие луны.

Прислонившись
к надписи "не прислоняться",
какую лунную музыку слышит?
какие видит звёзды в ночи?

**Март: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Комсомольская"**

Сошла с картины Утамаро,
села напротив меня в метро.

Целых три остановки
думала по-японски
о чём-то очень японском.

А потом вышла на станции "Комсомольская"
и стала как все,

у кого прямые, длинные, чёрные, блестящие волосы,

подобные водам реки,
утекающим в лунную ночь.

***Апрель: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Курская"***

Свалились с ветки Ци Бай-ши
прямо на мягкое сиденье метро,
две девушки так увлечённо
отгадывают кроссворд.

И я всё думаю:
Что же на самом деле
так взволновало их маленькие сердца?

**Май: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Таганская"**

Будто с картины Моне,
но только в чёрном,
девушка в широкополой шляпе,
сидит напротив меня в метро.

И зевает так сладко!

И я тоже зеваю,
но только украдкой —
чтобы она не подумала,
что мне скучно глядеть на неё.

**Июнь: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Павелецкая"**

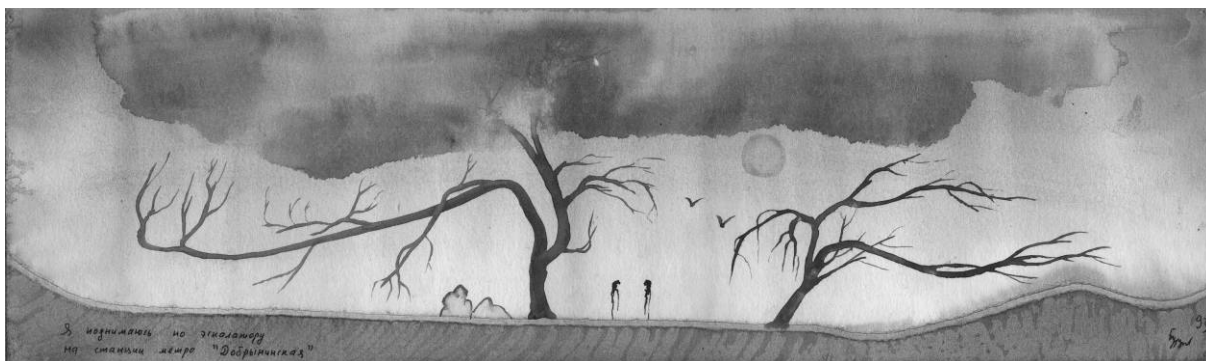
Смотрю на юных девушек в метро,
несмотря на то,
что они годятся в жёны моему сыну.

И не смотрю на женщину напротив,
несмотря на то,
что она годится в жёны мне.

Хотя с другой стороны,
юные девушки подобны цветам на лугу –
прекрасным и бессмысленным,
а женщина напротив... –

Интересно о чём она думает?

**Июль: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Добрынинская"**

Ох! Какая девушка!

Она держит за руку молодого человека,
и у него глаза неизвестно где.

А она ему – вроде в шутку – бац по щеке!
И – бац! – по другой щеке.

А он расплывается в дурацкой улыбке.

О Господи!
Сколь примитивно устроена жизнь!

Спасибо, Господи, Тебе за это!

**Август: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Октябрьская"**

Сколь странен спор
юноши и девушки,
что сидят напротив меня в метро!

Глядя на колено её ноги,
закинутой на другую ногу,

ну разве не очевидно,

что девушка во всём права,
а юноша ни хрена не понимает!

**Сентябрь: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Парк Культуры"**

Она выходила
на станции метро "Парк Культуры",
когда я увидел её конский хвост –
великую причёску великих шестидесятых.

И я простил ей всё:
и то, что она кусала губы,
предназначенные для неподвижного
ожидания поцелуя,
и какофонию звуков из-под наушников
вместо чудесных ритмов,
предназначенных для танца конского хвоста,
и кроссовки вместо туфель на шпильках
(ну, кто же носит кроссовки
вместе с конским хвостом!).

И на меня снизошло озарение:
Великие традиции не умирают.

И только старые дураки вроде меня
не понимают,
что всё истинно древнее
всегда рождается заново,
и не похоже на себя прежнего.

Интересно,
 сколько миллионолетий назад
 женщина впервые
 сделала причёску "конский хвост"?

И пошла по тропе,
 небрежно накинув на плечи
 шкуру саблезубого тигра.

**Октябрь: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Киевская"**

Они все думали,
что это просто старый козёл,
который уставился на девушку,
сидящую напротив него в метро.

Но я-то понял:
сей умудрённый старец изучает
топологическую схему её колена,
и выпуклое множество бедра,
и трансцендентность смелого изгиба
тонкой шеи.

И там, где все другие видят
только плоть,
он видит красоту и тайну,
и смелое решение проблем
устройства мира,
и математику гармонии земли и неба.

И девушка, должно быть, догадалась,
и не смутившись и не возмущившись,
вдруг сдвинулась в пространстве
на микрорасстояние
и стала идеалом,
недостижимом в мире метрополитена.

Но тут возникла станция, и поезд тормозил.

И всё порушилось.

И старец глаза потупил,
девица покраснела,
а остальные усмехнулись.

Я же сделал вид,
что продолжаю читать свою книжку.

***Ноябрь: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Краснопресненская"***

Только в метро понимаешь,
что все мужчины – дураки и пьяницы,
все женщины загадочны,
все дети никогда не станут взрослыми,
все старики изваяны из мрамора и бронзы.

**Декабрь: Я поднимаюсь по эскалатору на станции метро
"Белорусская"**

В ожидании поезда
я сегодня снова коснулся
его холодной руки.

И снова слышался вздох
долгий как ветер в тоннеле.

Вот мы приходим,
и вот – мы уже уходим,
свои прокричав имена.

Только он в своей нише недвижим,
безымянный бронзовый человек.

а вот это уже настоящая

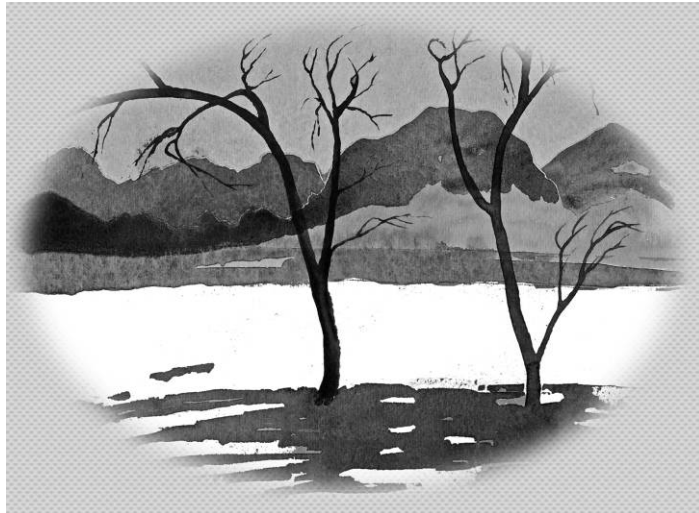
ТАНКА

В чёрных коленцах
подземного бамбука
кто-то пел песню
о том сколь призрачен свет
подземных планет и звёзд

СОЗЕРЦАНИЕ КАРТИНОК В КИТАЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ

У меня довольно много стихов, написанных к моим акварелям. Такие стихи я снабжаю подзаголовком "надписи на картинках". Но как-то раз я написал цикл из 12 стихотворений, разглядывая не свои, а чужие картины – репродукции в китайском календаре за 1996 год. Китайский календарь давно утерян. Чтобы как-то восполнить утерянный зрительный ряд, я добавил свои картинки. На первый взгляд они совсем не подходят к стихам (или стихи к ним). Но ведь смысл созерцания в том, чтобы увидеть не то, что есть, а то, чего нет. Именно поэтому сунские пейзажи считались в Китае религиозной живописью. Как писал Тао Юань-мин: «вдаль умчишься душой и земля отойдёт сама».

ВЕТКИ И КАМЕНЬ

Кистью жёсткой нарисованы ветви дерева.
Кистью сухой нарисован камень белый.
Кистью мягкой нарисованы шары плодов.
Надпись на чужом языке.
Картина висит на стене.
За стеною бранятся соседи.
Падает свет из окна.
Солнце. Луна. Фонарь.
Тот, кто смотрит,
сидит в низком кресле.
Кружку подносит к губам.
Чай. Вино. Водка.
Не умеет прочесть надпись.
Не знает даже,
как называются плоды.
Крупные. Круглые. Красные.
Звуки посуды доносятся с кухни.
Голоса близких людей.
Ветви чёрные.
Перекрещиваются. Переплетаются. Переламываются.
Звонок в дверь.

Реклама. Листовка. Повестка.

Камень белый, простой, пребывает в покое,
в тишине.

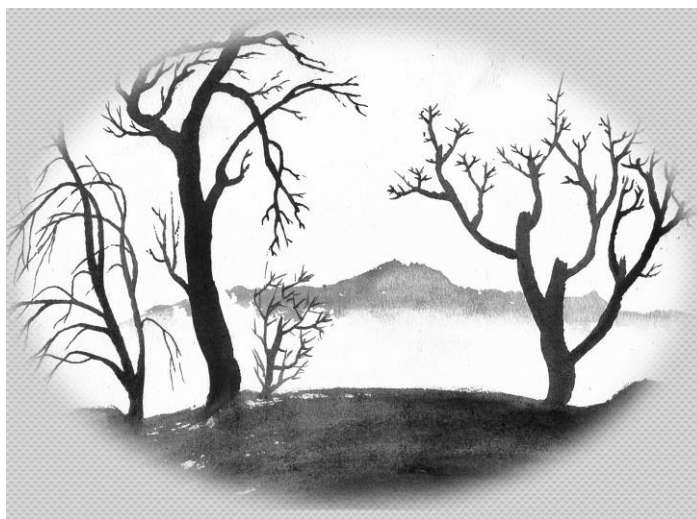
БОДХИДХАРМА

Так же и я мог бы сидеть на подстилке из трав
и смотреть на бегущую воду,
чувствуя как за спиной
раскинуло дерево ветви,
заслоняет высокие горы.
Так же и он мог бы на стуле сидеть,
и разглядывать меня.
В сущности, дело случая,
что он в ярко-красном плаще, и ноги босые,
а я в тёмном свитере, и тапочки на ногах.
Время есть Время, Вода есть Вода.
Положу руку на сердце,
и оно скажет:
"Если подумать, не всё ли тебе едино?"
И, подумав, отвечу:
"Э, нет!"
Есть что-то неуловимое,
что заставляет человека надеть ярко-красный плащ
или тёмный свитер.
И облака, клубящиеся под небом,
в чём-то отличны

от табачного дыма, клубящегося под потолком.
"Значит, ты ничего не понял!" – крикнет сердце.
"Сам дурак!" – крикну в ответ.

БЕЛАЯ СЛИВА

Дикую белую сливу
проецируем на кадры военной хроники,
на портрет президента,
на полицейские фотографии,
на репортаж из борделя,
на интервью наркомана,
на компьютерную графику видеоклипов,
на рекламные ролики,
на последние известия.
Потом выключаем телевизор
и проецируем на чёрный экран.
Так лучше.
Отсюда делаем вывод.
После ночи,
когда дикая белая слива
проецируется на тонкое небо
раннего-раннего утра,
вывод оказывается не верен.
Тогда мы выходим на улицы
и посреди толпы вдруг видим:
все люди превратились в дикие белые сливы.
Переплетаются ветвями,

склоняют друг к другу чашечки цветов,
шёпотом ветра переговариваются.
Кругом белым-бело
как при ядерном взрыве.

ПТИЦА, СЛИВА И КАМЕНЬ

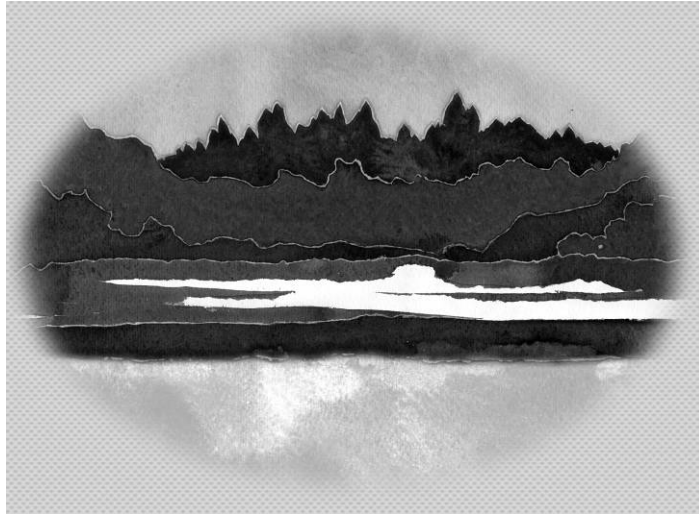
Я читаю стихи по-китайски.
О птице на дереве майском.
Старый камень. Немолодая ветка.
Иероглифов тонкая сетка.
Ни неба нет, ни земли,
и нет ничего вдали.
Шепчет мне жена:
"Ты же не знаешь китайского языка!"
Я шепчу в ответ:
"Тише! Об этом никто не знает!"
Птица, вспорхнув, улетает.
Осыпаются лепестки.
Мы сидим вдвоём и смотрим на картину.
Старый камень. Немолодая ветка.
Столбики иероглифов похожи на эпитафию.
Картина похожа на старую фотографию.
Разливается свет янтарный.
"Мне приснился сон кошмарный, —
говорит жена, —
Будто я живу одна."
Отвечаю по-китайски:
"Это просто ветер майский.
Не волнуйся по-напрасну."

СОН КАМНЯ

Сон камня. Снятся цветы и птицы.
Непрочных созданий ладони и лица.
Ручья незадумчивая водица.
И чья-то упавшая в воду ресница.
И шёлк рукавов небесшумно струится.
И кто-то глядит и увидеть боится.
Истории камня печальны и светлы страницы.
Порывистый ветер то кружит, то вдаль устремится.
Каменных снов он не может нарушить границу.
Тот, кто умер, ещё раз не может родиться.
Если он не цветок и не птица.

БЕЛЫЙ АИСТ И РОЗОВЫЕ ОБЛАКА

Улыбаясь хитро, рукавом взмахну.
Стать весенним аистом запросто могу.
Усмехаясь хитро, сдвину рычажок.
Стать китайским сянем всё равно, что плюнуть.
Он в весеннем небе на меня кричит.
А я мальчика пошлю принести вина.
Как дурманит аромат весенних белых почек!
По склонам розовых холмов бродят наркоманы.
Во дворце весеннем унывно плачет тихий чжэн.
По дороге едут белые лимузины.
Осыпаются весенние лепестки.
Выходят люди в вечерних костюмах.
Луны половина постели.
На банкет пригласили журналистов.
Аист с неба упал – клюнул в темечко.
Сон Аиста.
Аукцион Сотбиса.

БАМБУК

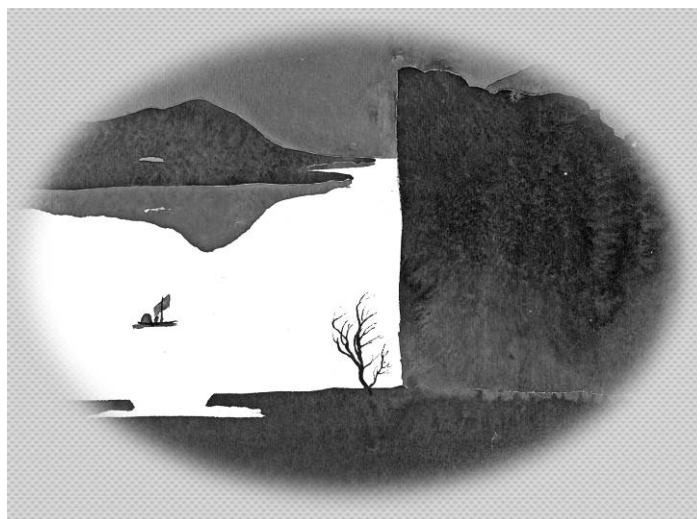
Читает письмо. От ветра бумага дрожит.
Тревожные вести не спрячешь в спасительной лжи.
Звонящие знаки – как будто скользят ножи.
Движенья запястья ещё леденяще свежи.
Холодная тушь скупую струёй бежит.

Лунной воды разливается круг.
Листьев шелест, стволов перестук.
И какой-то ещё неизвестный звук.
В белое небо тянется чёрный бамбук.

Когда виртуальная реальность окончательно вытеснит реальную реальность, случайно найдут древний свиток. Рыльцами сканеров заглотит его компьютер, разложит на цифры и вновь соберёт. Специалисты по виртуальной семиотике изучат образ и сделают сенсационное открытие: Оказывается турбулентность знаков, многозначная семантика, семантические лепестки, лепестковый синтаксис, синтаксические кривые и криволинейная эстетика после дешифровки выявляют матрицу, вполне пригодную для приготовления особых сортов семиотических коктейлей.

Но так никто и не узнает,
 что свиток изучали вверх ногами,
 потому что никто уже не помнит,
 в какую сторону растёт бамбук,
 для чего кому-то понадобилось писать бамбук,
 и что это вообще такое
– бамбук?

ЛАНДШАФТ

Кто писал эти тихие хижины
на склонах округлых гор,
у подножья туманов,
под зелёными соснами,
у кромки бегущей воды?
Думал ли он о том,
как трудно в таких местах
представителям власти
отлавливать юношей,
уклоняющихся от воинской службы?
Кто разрешил этим людям
жить вдали от полицейских участков,
военных комиссариатов
и избирательных урн?
Кто платит земельную ренту за русло горной реки?
Как могут зелёные сосны корни пускать где попало?
Как посмели туманы скрывать дезертиров?
Кто позволил горам возвышаться
над крышами государственных учреждений?
Как смеет небо быть чистым и тихим?
Что случилось с художником?

Умер в тюрьме?

Застрелен на улице?

Не выдержал пыток?

Забыл про туманы и реки?

Отказался от гор и сосен?

ОЗЕРНЫЙ ПЕЙЗАЖ С ПАВИЛЬОНОМ

Родился в Белом Дворце.
Учился по древним книгам.
Приходил в павильон у озера
тихую воду и дальние горы писать.
Экзамены сдал, но на службе пробыл недолго.
Успехов больших не достигнув, вышел в отставку.
Вернулся в свой павильон
тихую воду и дальние горы писать.
Дожил до белых волос и как-то весенним утром
в лодку листы погрузил и плавал по озеру долго.
Лист за листом опускал в тихую воду.

Теперь он лежит на склоне горы.
Каждой весной,
когда солнце встаёт из-за дальних гор,
отсюда можно увидеть,
как становится озеро белым.
Будто белой бумаги листы качаются на тихой воде.
Так спят и сверкают.

Разрушен Белый Дворец.
От павильона у озера и следа не осталось.
Новый компьютер, расчислив времён перепады,

реконструировал творчество
художника тихой воды.
Ценители были довольны,
развесили копии по белым стенам
гостиных, кабинетов и галерей.

ОЛЕНЬ И СОСНА

Благородный олень.
Благородный олень.
Благородный олень.
Светлая сосна.
Светлая сосна.
Светлая сосна.

Ну как, чёрт возьми, художники могут брать подобные сюжеты?

Благородный олень.
Благородный олень.
Благородный олень.
Светлая сосна.
Светлая сосна.
Светлая сосна.

Ну, был я в зоопарке. Во-первых, вонь,
во-вторых, решётки железные, в-третьих, дети глупые.

Благородный олень.
Благородный олень.
Благородный олень.
Светлая сосна.
Светлая сосна.
Светлая сосна.

Ну, видел по телевизору. В рекламе прокладок.

Благородный олень.

Благородный олень.

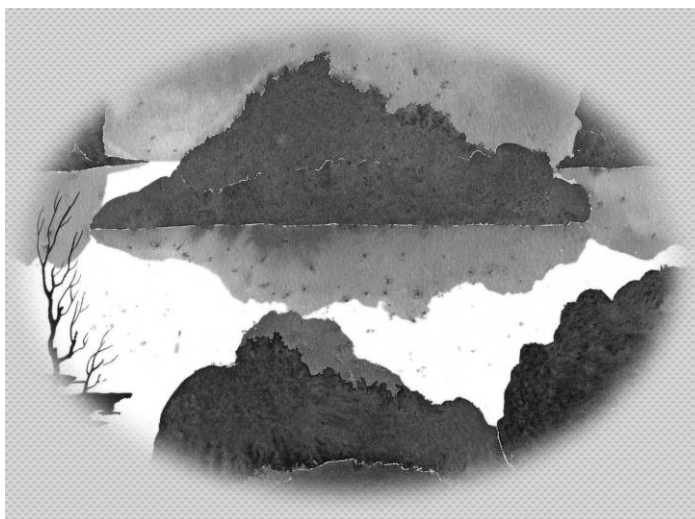
Благородный олень.

Светлая сосна.

Светлая сосна.

Светлая сосна.

ТИХАЯ ВОДА

В старое время людей на земле было мало.
Редко возникала нужда, нож приставив к горлу, спрашивать:
"На кого ты работаешь?"
У каждого было что-то личное.

В старое время людей на земле было мало.
Можно было увидеть
птиц водяных,
белые цветы,
причудливые камни,
тихую воду.

Их не заслоняли лица людей.

Можно было увидеть лицо художника.
Его не заслоняли лица людей.

В наше время тем более никто никого не заслоняет,
потому что все люди прозрачны как стекло.
Можно увидеть на китайском календаре
птиц водяных,
белые цветы,
причудливые камни,
тихую воду.

Не следует считать,
 будто мне не нравится нынешнее время.
Я всего лишь констатирую факты.
В этом нет ничего личного.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

что можно перевести также как

СВЕТЛЫЙ ВЫХОД

ВОСЕМЬ ПОСМЕРТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

После смерти мы ничего не можем увидеть, ничего не можем услышать и ничего не можем потрогать. Но если мы что-то помним, мы можем обозначить это словом. Что мы можем помнить? Я думаю, самые простые и обыденные вещи, движения и события. «Там» они становятся самым ценным воспоминанием.

Теория поз: Пoзa встpeч и paзлук

РЕЧНАЯ ВОДА

Речная
Речная вода Речная
Речная вода Речная
Речная вода Речная вода Речная
Речная вода Речная вода Речная вода
Речная вода Речная вода Речная вода Речная
Речная вода Речная вода Речная вода Речная вода

Песчинки прилипли к коже
По сути своей песчинки твёрдые кристаллики
По сути своей кожа мягкая и податливая
Песчинки прилипли к коже бедра
Песчинки прилипли к коже живота
Песчинки прилипли к коже груди
Песчинки прилипли к коже щеки

Речная вода Речная вода Речная вода Речная вода
Речная вода Речная вода Речная вода Речная вода
Речная вода Речная вода Речная вода Речная вода
Речная вода Речная вода Речная вода Речная вода

Песчинки прилипли к коже щеки
Песчинки прилипли к коже груди
Песчинки прилипли к коже живота
Песчинки прилипли к коже бедра
По сути своей кожа мягкая и податливая
По сути своей песчинки твёрдые кристаллики
Песчинки прилипли к коже

Речная вода Речная вода Речная вода Речная вода
вода Речная вода Речная вода Речная вода
Речная вода Речная вода Речная вода
вода Речная вода Речная вода
Речная вода Речная вода
вода Речная вода
Речная вода
вода

ЗЕЛЁНАЯ ЧАШКА

Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	Зелёная чашка
Зелёная		чашка	Зелёная чашка
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	с
Зелёная		чашка	отбитой
Зелёная		чашка	ручкой
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	Зелёная
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная		чашка	
Зелёная	Зелёная	чашка	чашка
Зелёная	Зелёная	чашка	чашка
Зелёная	Зелёная	чашка	чашка

Теория поз: Позиция сочинения стихов

ЧУЖОЙ ЧЕЛОВЕК

Прихожу домой. Ужинаю. Смотрю телевизор. Ложусь в постель. Просыпаюсь. Затракаю. Иду на работу.

[illegible]

Прихожу домой. Ужинаю. Смотрю телевизор. Ложусь в постель. Просыпаюсь. Затракаю. Иду на работу.

Теория поз: Пoзa кaллигpaфии

ЧАС НОЧИ

Час ночи

Час ночи

Час ночи

Час ночи

Час ночи

Час ночи

а часа не

са ночи Два час

Два часа ночі Два часа ночи

Два часа ночи Два часа ночи

// Три часа ночи //

Три часа ночи

Три часа ночи Три часа ночи Три часа ночи

ре часа ночи Четыре часа ночи Четыре часа

Четыре часа ночи Четыре часа ночи Четыре часа ночи

Пять часов ночи Пять часов ночи

сов ночи Пять часов ночи Пять ча

ПЯТЬ ЧАСОВ НОЧИ ПЯТЬ ЧАСОВ НОЧИ ПЯТЬ ЧАСОВ НОЧИ
// // ШЕСТЬ ЧАСОВ НОЧИ //

есть часов ночи Шесть часов ночи Шесть часов ночи
есть часов ночи Шесть часов ночи Шесть часов ночи

Семь часов ночи Семь часов ночи Семь часов ночи

Восемь часов ночи Восемь часов ночи

асов ночи Восемь ч

Восемь часов ночи Восемь часов ночи

Девять часов ночи Девять часов ночи

Десять часов ночи Десять часов ночи

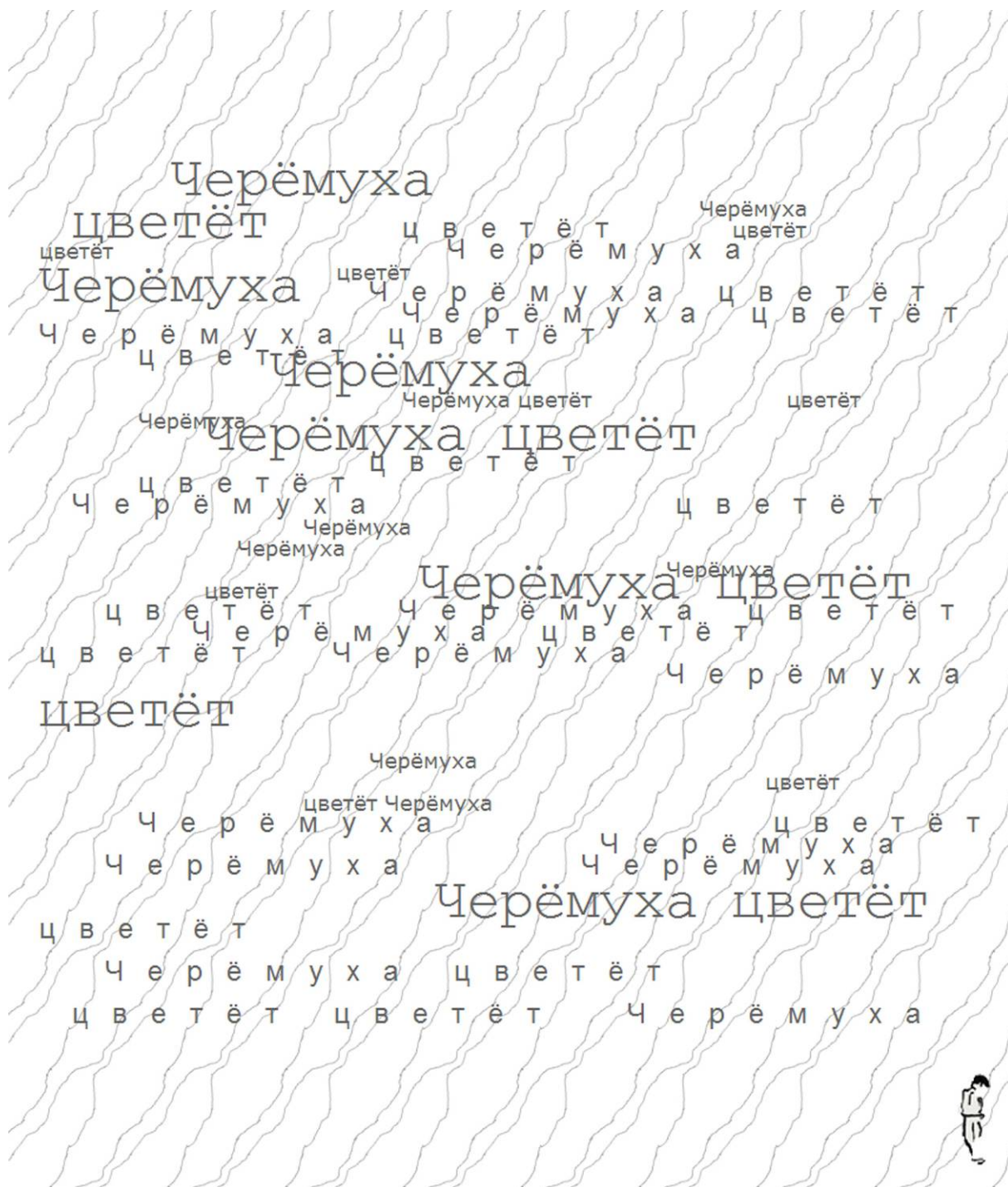
Одиннадцать часов ночи Одиннадцать часов ночи
 Пятнадцать часов ночи Пятнадцать часов ночи

/ / // | // |

Теория поз: Пoзa лyбoвaния цвeткoм

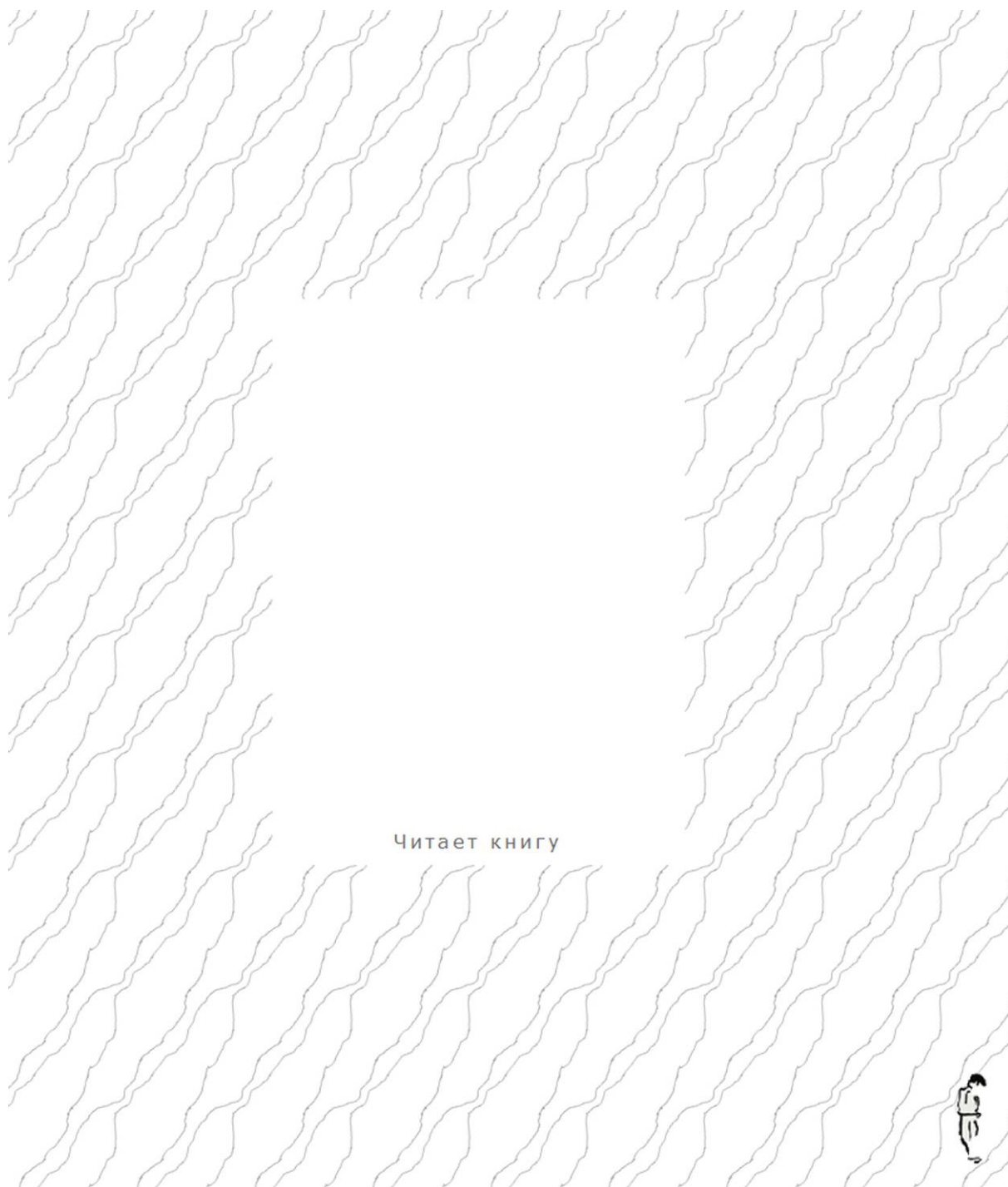
ЧЕРЁМУХА ЦВЕТЁТ

РАСЧЁСЫВАЕТ ВОЛОСЫ

ЧИТАЕТ КНИГУ

88

Теория поз: Позиция путешествия на Восток

20.922.789.888.000 стихотворений

На самом деле я сочинил всего 16 стихотворений, из которых выбрал 16 строк, но таких, что их можно переставлять местами как угодно. Такими перестановками можно составить $16!=20.922.789.888.000$ стихотворений. Вот одно из таких стихотворений, полученное случайным образом:

Чистота белого шёлка
Молчание, молчание, молчание
Крик вороны в тишине
Обледенел иероглиф сосны
Земля стала белым небом
Чьи следы на снегу?
Будто в старинном сне
Путник слышал сердце своё
Открой глаза и смотри
Над деревушкой вьётся дымок
Вечер года как вечер жизни
Небожитель бредёт
Огонёк горит вдали
Тихо падает снег
Облака как большие сугробы
Мёрзнут руки, устали ноги

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕ ДЕСЯТЬ ДУШ МОИХ	5
КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ	
<i>(предисловие В.Б.Микушевича)</i>	7
Я был в пути	11
Песнь камышовой свистульки	37
Танец хризантемы	63
Любовь к древнекитайскому	89
Малоизвестный факт	119
МОЙ АРХИТЕКТОР	143
ХАЙКУ-ЛИПОВКА	167
ТОТЕМЫ	179
КОЛЬЦЕВАЯ ЛИНИЯ	231
СОЗЕРЦАНИЕ КАРТИНОК В КИТАЙСКОМ КАЛЕНДАРЕ	249
ВОСЕМЬ ПОСМЕРТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ	271
20.922.789.888.000 СТИХОТВОРЕНИЙ	285

Литературно-художественное издание

Бурдонов Игорь
Ритуальные числа

ISBN 978-5-902976-26-4

Иллюстрации *И. Бурдонов*

Дизайн *А. Белугин & И. Бурдонов*

Подготовка оригинал-макета —
издательство «Арт Хаус медиа»

ООО «Арт Хаус Медиа»,
Россия, 115035, г. Москва, а/я 42

Подписано в печать 29.08.2008. Формат 84x108/32.

Гарнитура NewtonC Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.

Тираж 650 экз. Заказ № 2709.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое
предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.

**Вы можете заказать книги издательства
«Арт хаус медиа»**

E-mail: director@protodesign.ru

по телефону: 8-903-730-91-83

или по адресу:

ООО Арт хаус медиа,
Россия, 115035, г. Москва, а/я 42

Вы можете купить книги издательства

в магазинах Москвы,

заказать на сайте www.bolero.ru

Бурдонов Игорь Борисович родился в 1948 г. в Москве, где и прожил всю жизнь. По образованию математик (мех-мат МГУ), доктор физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Института Системного Программирования РАН. Специалист в области операционных и распределённых систем и верификации программ.

Уже много лет занимается изучением культуры Китая: истории, философии, религии, литературы, поэзии, живописи. Как один из исследователей китайской классической Книги Перемен выступал с докладами на ежегодной научной конференции Общество и государство в Китае в Институте Востоковедения РАН и междисциплинарной научной конференции по Книге Перемен.

Литература и поэзия – увлечение столь же давнее, как математика. Но главный импульс возник не сразу, а лишь после начала увлечения Китаем. Основной жанр поэзии пейзажная лирика, хотя встречается и многое другое. Проза вся короткая, в основном, миниатюры, есть несколько рассказов, одна повесть и нечто, названное «микроманом».

Рисовать начинал с изучения альбомов китайской живописи и классических китайских трактатов по живописи. Пишет только акварелью, совмещая элементы китайской техники с европейскими материалами (бумага, акварель, кисти). Основной жанр – пейзаж, часто с элементами восточного колорита, хотя примерно половина картин (как и стихов) написана в русской деревне Липовка в глуши Рязанской губернии.

Член Союза Литераторов России и Международного Союза писателей "Новый Современник". Публикации в журналах "Новый мир", «Саксагань» (г. Кривой Рог), «Митин журнал», «Край городов», газетах АиФ, МОЛ, нескольких сборниках поэзии и прозы, а также в электронной «Библиотеке Мошкова». Художественные работы хранятся в частных коллекциях России, Канады, Германии, Голландии, Израиля, а также в ИСП РАН.

Куратор (совместно с художником Александром Белугиным) Литературного Клуба "Подвал №1".

ISBN 978-5-902976-26-4

9 785902 976264